

misterium

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

НЕЛ
НОЙХАУС

КТО ПОСЕЯЛ ВЕТЕР

Неле Нойхаус Кто посеял ветер

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7068487

Кто посеял ветер / Неле Нойхаус ; [пер. с нем. Г. В. Сахацкого].: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72622-6

Аннотация

Конфликт, возникший в общине городка Таунуса, вначале не казался сотрудникам криминальной полиции опасным. Фирма «ВиндПро» собралась строить комплекс ветрогенераторов на лугу рядом с лесом, а местная организация защитников экологии во главе с владельцем земли была резко против. Последний даже отказался от огромной компенсации за луг. Но когда вначале произошел взлом офиса фирмы и погиб ее ночной сторож, а затем убили лидера «экологистов», отдел полиции К-2 отнесся к делу со всей серьезностью. Старший комиссар Пия Кирххоф сразу же избрала версию противостояния фирмы и погибшего эколога основной. Но вскоре ей пришлось убедиться в том, что дело это гораздо сложнее и запутаннее, чем предполагалось вначале, и что мотивы преступлений выходят далеко за рамки бизнеса и политики...

Содержание

Пролог	5
Понедельник, 11 мая 2009 года	7
Вторник, 12 мая 2009 года	46
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Неле Нойхаус

Кто посеял ветер

Nele Neuhaus
Wer Wind sät

Copyright © by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin.
Published in 2011 by Ullstein Taschenbuch Verlag

Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Пролог

Она изо всех сил бежала по безлюдной улице. В черном ночном небе взрывались первые новогодние ракеты. Только бы ей удалось добраться до парка, где можно было бы затеряться в праздничной толпе! Эти места были ей незнакомы, и она совершенно потеряла ориентацию в пространстве. Топот ног ее преследователей гулким эхом отражался от стен высоких домов. Он раздавался все ближе, гоня ее все дальше – от широких улиц, от стоянок такси, от станций метро, от людей.

От быстрого бега и смертельного ужаса у нее перехватило дыхание. Сердце бешено колотилось в груди. Она уже больше не могла выдерживать этот безумный темп. Наконец-то! Между бесконечными сплошными фасадами домов зиял темный проем. Она не мешкая нырнула в узкий переулок, но чувство облегчения длилось всего долю секунды. На смену ему пришло осознание того, что она совершила самую большую ошибку в своей жизни. На ее пути поднялась пустая стена без окон. Западня! Кровь бросилась ей в голову. В неожиданно наступившей тишине она слышала лишь собственное тяжелое дыхание. Пригнувшись, спряталась за двумя выпускавшими смрад мусорными баками, прижалась лицом к шершавой сырой стене и закрыла глаза, отчаянно надеясь на то, что эти люди не заметили ее маневра и пробегут мимо.

– Она здесь! – сказал кто-то вполголоса. – Теперь уж мы ее не упустим.

Вспыхнул луч фонаря. Она подняла руку, пытаясь защититься от яркого света. Мысли лихорадочно теснились в ее голове. Не позвать ли ей на помощь?

– Отсюда ей некуда деться, – произнес другой голос.

Послышались шаги. Мужчины медленно приблизились, теперь уже не спеша. Страх вызывал у нее почти физическую боль. Сжав вспотевшие ладони в кулаки, она почувствовала, как кончики ногтей впились в плоть.

И тут она увидела *его*! Освещенный светом фонаря, он смотрел на нее сверху вниз. У нее мелькнула призрачная надежда, что он здесь для того, чтобы спасти ее.

– Пожалуйста, – прошептала она сорванным голосом, протягивая в его сторону руку. – Я все объясню... я...

– Слишком поздно, – резко перебил он. В его глазах она прочитала холодную ярость и презрение. Последняя искра надежды, тлевшая в ее сознании, потухла и превратилась в пепел, будто поглощенная языками пламени прекрасная белая вилла на берегу моря.

– Пожалуйста, не подходи ко мне! – В ее голосе послышались пронзительные, истеричные нотки.

Она хотела подползти к нему, чтобы вымолить прощение и поклясться, что сделает для него все, но он повернулся и исчез из поля ее зрения. Он оставил ее наедине с людьми, на чье милосердие рассчитывать не приходилось. Черной волной ее захлестнула паника. Она судорожно огляделась, словно затравленный зверь. Нет! Нет, ей совсем не хотелось умирать здесь, в этом грязном проулке, где так отвратительно пахло!

Страх придал ей силы, и она бросилась в последний бой, ожесточенно молотя кулаками пространство перед собой. Но у нее не было никаких шансов. Мужчины сбили ее с ног, прижали к земле и грубо завели руки за спину. Она ощутила укол в руку. Ее мышцы расслабились, перед глазами все поплыло. С нее сорвали одежду, и она осталась лежать обнаженная и беспомощная. Затем она почувствовала, как ее подняли с земли, бросила взгляд на узкую полоску ночного неба между высокими стенами, увидела мерцающие звезды и провалилась в черную бездонную пучину. На мгновение ее тело стало невесомым, от стремительного падения захватило дух. Ее окутала тьма, и она изумилась, что смерть оказалась столь легкой.

Она воспарила ввысь. Сердце безумствовало в груди, и ей потребовалось несколько секунд для того, чтобы понять, что это всего лишь сон. Этот сон преследовал ее на протяжении уже нескольких месяцев, но никогда еще не был он таким реалистичным и никогда не продолжался до конца. Дрожа, она обхватила руками плечи и принялась ждать, когда расслабятся сведенные судорогой мышцы и тело покинет холод. Через зарешеченное окно в комнату проникал свет уличных фонарей. Как долго она находилась здесь, в безопасности? Она зарылась лицом в подушку и заплакала – потому что знала, что никогда не избавится от этого страха.

Понедельник, 11 мая 2009 года

Солнце уже взошло, когда он, как всегда по утрам, закрыл за собой садовую калитку и, повесив ружье на плечо, двинулся в сторону леса по уходящей вверх тропинке. В двух метрах впереди него бежал рысью Телль, кобель породы пудель-пойнтер с жесткой, словно проволока, шерстью, суя всюду свой нос и ловя тысячи запахов, оставленных отступившей ночью. Людвиг Хиртрайтер глубоко вдыхал свежий, прохладный воздух и прислушивался к утреннему концерту, устроенному птицами.

На лугу, на опушке леса, стояли две косули. Телль посмотрел на них, но не предпринял попытки вспугнуть. Это был умный, послушный пес, который знал, что может интересоваться дичью только в том случае, если ему позволит хозяин.

– Молодец, мальчик, – пробормотал Хиртрайтер.

От его дома до леса было недалеко. Он миновал красно-белый шлагбаум, необходимость в установке которого возникла пару лет назад, поскольку приезжавшие из Франкфурта на выходные все чаще углублялись в лес. У современных людей, особенно горожан, совершенно отсутствовало уважение к природе. Они не различали породы деревьев, громко кричали и спускали с поводка необученных собак даже в сезон, когда охота запрещена. Некоторые развлекались тем, что вспугивали и преследовали дичь. Хиртрайтер не мог найти объяснения такому поведению. Для него лес был священным местом. Он знал его так же хорошо, как собственный сад, знал каждую поляну, знал, где водится дичь, по каким тропам ходят кабаны. Двумя годами ранее он собственноручно изготовил таблички с пояснениями, помогавшие несведущим людям проникнуть в тайны леса, и развесил их на стволах деревьев.

Освещенный яркими лучами солнца, лес напоминал величественный золотисто-зеленый храм. Достигнув первой развилки, Телль повернул направо, словно прочитав мысли хозяина. Они прошли мимо обширного выжженного участка и приблизились к просеке, проложенной разразившейся прошлой осенью бурей. Неожиданно Людвиг остановился. Телль тоже замер на месте, наострив уши. Шум мотора! Спустя несколько секунд тишину леса разорвал треск работавшей бензопилы. Это не мог быть работник лесничества, поскольку им в это время года в лесу делать было нечего. Хиртрайтер почувствовал, как в его душе вздымается ярость. Он направился в сторону звуков. От негодования сердце забилося в его груди. У него было предчувствие, что эти люди не будут соблюдать соглашение и рано или поздно начнут валить лес, чтобы потом просто поставить собрание общественности перед свершившимся фактом.

Спустя несколько минут его опасения подтвердились. Людвиг наклонился, пролез под красно-белой лентой, натянутой вокруг маленькой поляны у подножия горной гряды, и в растерянности устоял на оранжевых лесовозы и полдюжины деловито сновавших мужчин. Вновь застрекотала бензопила, полетела в стороны стружка. Высокая ель покачнулась и со стоном рухнула на поляну. Ах, подлецы! Кипя от возмущения, Людвиг Хиртрайтер взял в руки ружье и снял его с предохранителя.

– Остановитесь! – крикнул он, когда бензопила заурчала, работая на холостом ходу.

Лесорубы повернулись в его сторону и приподняли прозрачные щитки своих касок. Хиртрайтер вышел на поляну, Телль держался рядом.

– Убирайтесь отсюда! – крикнул ему один из рабочих. – Вам нечего здесь делать!

– Это вы убирайтесь! – крикнул в ответ Людвиг с угрозой в голосе. – И немедленно! Как это вам взбрело в голову валить здесь деревья?

Старший лесоруб заметил ружье и решимость, написанную на лице Хиртрайтера.

– Ладно, успокойтесь. – Он поднял руки в знак примирения, стараясь утихомирить его. – Мы всего-навсего выполняем свою работу.

К ним приблизились остальные лесорубы. Бензопила замолчала. Телль глухо зарычал, Хиртрайтер положил палец на спусковой крючок. Дело принимало серьезный оборот. Начало строительных работ было намечено на начало июня, и эта вырубка носила незаконный характер, даже если и осуществлялась с молчаливого согласия бургомистра и начальника окружного управления.

– У вас есть ровно пять минут, чтобы собрать ваше имущество и убраться отсюда, – крикнул он лесорубам.

Никто не двинулся с места. Тогда Людвиг прицелился в бензопилу, которую держал в руке один из рабочих, и нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел. Лишь в последний момент Хиртрайтер приподнял ствол ружья, и пуля пролетела в метре над головой человека.

Несколько секунд лесорубы стояли, словно замороженные, в растерянности уставившись на него, после чего быстро разбежались в разные стороны.

– Это вам не пройдет даром! – крикнул ему на прощание старший. – Я позвоню в полицию.

– Ради бога. – Людвиг повесил ружье на плечо. Эти наглые преступники ни за что не стали бы обращаться в полицию, поскольку создали бы тем самым серьезные проблемы самим себе.

Он почти поверил лицемерным обещаниям. Ни одно дерево не будет срублено до принятия окончательного решения, торжественно заявляли они еще в пятницу. А для того чтобы вырубка началась в понедельник утром, они должны были заключить договор с подрядчиком за несколько дней до пятницы.

Хиртрайтер дождался, когда лесовоз покинул поляну и шум его двигателя затих вдали, после чего положил ружье на пень и принялся разматывать ограничительную ленту. Ни одно дерево здесь больше не упадет, пока он в состоянии препятствовать этому. Он готов к борьбе.

Пия Кирххоф стояла у багажного транспортера и уже протянула руку, чтобы снять с него свой чемодан, когда в кармане куртки едва слышно зазвонил мобильный телефон, который она включила сразу после приземления. На протяжении трех замечательных недель он молчал, превратившись из одного из важнейших инструментов ее повседневной жизни в совершенно ненужную вещь. Впрочем, в данный момент багаж был несравнимо важнее звонка. Чемодан Кристофа выкатился одним из первых. Сам Кристоф уже вышел в зал прилетов, в то время как Пие пришлось ждать добрую четверть часа, поскольку багаж рейса LH 729 из Шанхая поступал на ленту транспортера крайне неравномерно и с интервалом между предметами в несколько метров.

Только когда наконец показался ее серый чемодан, она сунула руку в карман. В этот момент прозвучало сообщение по громкоговорителю, и кто-то немилосердно протаранил ее ногу багажной тележкой, даже не извинившись. Еще один самолет успел выпустить из себя пассажиров, и у поста таможенного контроля образовался затор. В конце концов Пия достала неумолчно звонивший телефон.

– Я уже у поста таможенного досмотра! – крикнула она в трубку. – Позвоните немного позже.

– О, извини, пожалуйста, – ответил главный комиссар Оливер фон Боденштайн на другом конце; в голосе ее шефа явственно звучали радостные нотки. – Мне казалось, ты должна была вернуться прошлым вечером.

– Оливер! – Пия подавила вздох. – Мне очень жаль. Наш вылет задержался на девять часов. Мы только что приземлились. Что-нибудь случилось?

– Небольшая проблема, – ответил Боденштайн. – У нас труп, а в одиннадцать часов бракосочетание Лоренца и Тордис. Если я там не появлюсь, все мои родственники непременно на меня обидятся.

– Труп? Где? – Пия хотела пройти мимо поста таможенного контроля, но маленькая полная таможенница, наблюдавшая с бесстрастным выражением лица за проходившими мимо пассажирами, подняла руку. Очевидно, последние слова Пии вызвали у нее интерес. Это было совсем некстати.

– В здании одной фирмы в Келькхайме, – сказал Боденштайн. – Сообщение поступило только что. Я послал туда нашего новичка, но мне все же хотелось бы, чтобы и ты тоже присутствовала.

– У вас есть что декларировать? – прокрипела таможенница.

– Нет, – Пия покачала головой.

– Как это – нет? – изумленно спросил Боденштайн.

– Я хотела сказать – да, – поспешно ответила Пия. – Мне нечего декларировать. Да, я поеду.

– Что это значит? – Брови таможенницы поползли вверх. – Пожалуйста, откройте ваш чемодан.

Пия прижала телефонную трубку плечом к щеке, пошарила в карманах в поисках ключа от чемодана и, открывая его, сломала ноготь. Радостное ощущение от прекрасно проведенного отпуска улетучилось в одно мгновение. Ею снова овладела тревога.

– Да-да, я обязательно приеду. Продиктуй мне адрес.

Наконец она откинула крышку чемодана. Таможенница неторопливо рылась в небрежно уложенных вещах Пии, по всей видимости, в надежде отыскать среди грязного белья незаконно ввезенную вазу эпохи династии Мин, контрабандную бутылку шнапса или лишние блоки сигарет. Позади выросла очередь пассажиров. Пия бросила на женщину полный ярости взгляд, когда та после безуспешных поисков небрежным кивком головы дала ей понять, что она свободна. Пия захлопнула крышку чемодана, сняла его с багажной тележки и направилась к выходу. Дверцы из матового стекла раздвинулись в стороны. За ограждением ее ждал Кристоф с несколько напряженной улыбкой на лице. Рядом с ним стоял с недовольным видом бывший муж Пии, доктор Хеннинг Кирххоф. Этого еще не хватало! Ведь ее собиралась забрать из аэропорта Мирьям, которая во время отсутствия Пии заботилась о животных в Биркенхофе. Они договорились об этом по телефону перед отлетом.

– Мой чемодан оказался последним на ленте транспортера, – извиняющимся тоном произнесла Пия. – А потом тетке с таможни вздумалось перерыть его сверху донизу. Прошу прощения. А ты что здесь делаешь?

Вопрос был адресован бывшему мужу. Рядом с Кристофом, покрытым загаром, приобретенным под солнцем Центрального Китая, Хеннинг выглядел бледным и изможденным.

– Я тоже рад тебя видеть, – сказал он саркастическим тоном, с легкой гримасой на лице. – Мой автомобиль уже час стоит в запретной зоне. Когда я получу штрафную квитанцию, ты сможешь оплатить ее.

– Извини. – Пия поцеловала Хеннинга в щеку. – Спасибо за заботу. А что случилось с Мирьям?

Между Кирххофом и ее лучшей подругой уже довольно давно завязался роман, но теперь их отношения осложнились – Хеннинга начали подозревать в отцовстве еще не родившегося ребенка от другой женщины. После абсолютного молчания, длившегося несколько месяцев, в течение которых Хеннинг всерьез подумывал, не уехать ли ему за границу, что стало бы проявлением малодушия, они с Мирьям сблизились вновь, но о гармонии и взаимном доверии уже не могло быть и речи.

– Мирьям должна в девять часов присутствовать на судебном заседании в Майнце, и у нее не было времени ждать, пока приземлится твой самолет. – В словах Хеннинга прозвучал упрек. – А у меня как раз было время. Да, кстати, как прошел ваш отпуск?

– Хорошо, – ответила Пия, быстро обменявшись взглядом с Кристофом.

«Хорошо» было явным преуменьшением. Эти три изумительные недели, проведенные в Китае, подарили ей настоящий отдых – впервые за последние годы. Хотя они были вместе уже достаточно продолжительное время, взгляд Кристофа все еще вызывал у нее внутри приятное, волнующее ощущение. Иногда ей не верилось, что на ее долю выпало счастье встретить такого человека. Они познакомились три года назад, летом, во время расследования одного убийства, когда Пия уже смирилась с тем, что остаток жизни ей придется провести в компании своих животных в Биркенхофе. Между ними сразу проскочила искра. Тогда Боденштайн подозревал его в совершении преступления, что не соответствовало действительности.

Стояло прохладное майское утро. Пия немного замерзла. После четырнадцатичасового перелета она чувствовала, как грязная одежда прилипает к телу, и мечтала о горячем душе. Однако эта роскошь откладывалась на неопределенное время. Штрафная квитанция на автомобиле Хеннинга отсутствовала – возможно, по той причине, что он поместил за ветровым стеклом на видном месте табличку с надписью «Врач на вызове». Мужчины загрузили чемоданы в багажник, а Пия тем временем шмыгнула на заднее сиденье «Мерседеса».

– Какие у тебя планы? – спросила она Хеннинга, когда они выехали на автобан и направились в сторону Кельстербаха, поскольку из-за часа пик полоса в сторону Франкфурта была забита транспортом.

– А что? – спросил он с недоверием в голосе.

Пия закатила глаза. Никогда он не мог дать простой ответ на простой вопрос! Она потеряла пульсирующие виски. За три недели отпуска комиссар полиции успела забыть о повседневных заботах, о работе и даже о грозившем ей судебном решении по поводу сноса Биркенхофа. Теперь же все это опять навалилось на нее. Пия, не колеблясь, продлила бы отпуск на неопределенное время, но, вероятно, подлинное счастье не бывает безграничным.

– Я должна быть в Келькхайме, там обнаружен труп, – сказала она. – Мне только что звонил шеф. Так что отпуск закончился.

Большие ворота приюта для животных были закрыты. Парковочная площадка перед низким административным зданием пустовала. Марк нервно ходил вдоль забора и время от времени поглядывал на дисплей своего мобильного телефона. Четверть восьмого. Куда могла запропасться Рики? Самое позднее, через двадцать минут ему нужно ехать. Учителя устраивали ему головомойку, если он опаздывал на занятия хотя бы на минуту, и тут же отправляли его матери сообщение по электронной почте. И все только из-за того, что за последнее время он пару раз прогулял школу... Совсем спятили. Почему его родители никак не хотят понять, что у него нет ни малейшего желания ходить в школу?

С тех пор как Марк вернулся из интерната, ему все казалось чужим и фальшивым. Он с удовольствием занялся бы чем-нибудь дельным вместо бессмысленного времяпрепровождения в школе. Чем-нибудь, связанным с животными. Ему хотелось иметь собственную квартиру с собаками и кошками, как у Рики и Яниса. Это было бы здорово. Но отца хватит удар, если он обратится к нему с подобным предложением. Учеба и экзамены на аттестат зрелости – обязанность, а пара семестров за границей – приятное развлечение. Ему грозил полный провал на экзаменах, а это почти прямая дорога в пропасть Харц-4¹.

¹ Здесь: социальное пособие, в т. ч. по безработице.

Отсюда хорошо просматривалась асфальтированная проселочная дорога, ведущая в Шнайдахин, но кроме пары человек, выгуливавших собак, никого не было видно. Полночи Марк просидел за компьютером, поскольку не мог заснуть. Как только он закрывал глаза, его одолевали воспоминания. Он отправил Рики эсэмэску, и она ответила, что в семь утра придет к приюту для животных. Сейчас уже половина восьмого. Марк решил поехать ей навстречу.

Когда судья приговорила его к восьмидесяти часам общественно полезных работ в приюте для животных, ему едва не стало дурно. Но потом он познакомился с Рики и ее другом Янисом, и вдруг его жизнь наполнилась новым, радостным содержанием. Работа в приюте доставляла ему удовольствие, и Марк продолжал приходить сюда даже после того, как отработал положенный срок. Казалось, в лице Рики и Яниса он обрел родных людей, новую семью, где ему всегда были рады. Янис внушал ему глубокое уважение. Они нередко обсуждали целыми вечерами темы, прежде совершенно не интересовавшие Марка: война в Афганистане, поселения в Израиле, прием в Германии узников Гуантанамо и конек Яниса – экологические проблемы. По всем вопросам он имел собственное мнение, и его взгляды коренным образом отличались от взглядов отца Марка, который возбуждался только тогда, когда речь заходила о налоговой политике федерального правительства, а также о левых и зеленых. У Яниса слова никогда не расходились с делом. Пару раз Марк ходил вместе с ним на демонстрации, и на него произвело сильное впечатление количество знакомых Яниса.

Он уже надел шлем и сел на мотороллер, когда на дороге показался темный «комби» Рики. Сердце подпрыгнуло у него в груди, когда она остановилась рядом с ним и опустила стекло.

– Доброе утро, – с улыбкой сказала женщина. – Извини, я немного задержалась.

– Доброе утро. – Марк почувствовал, что его лицо залилось краской. К сожалению, это была его обычная реакция.

– Помоги мне с кормлением, – предложила Рики. – И между делом мы поговорим, хорошо?

Марк немного колебался. А-а, черт с ней, со школой. Все, что нужно знать в жизни, он уже и так знал. Все равно настоящая жизнь протекает где-то в другом месте.

– Хорошо, – согласился он.

Утренние лучи отражались от высокого стеклянного фасада футуристического здания, висевшего в деловой зоне, посреди аккуратно подстриженного газона, и напоминавшего потерпевший крушение космический корабль. Хеннинг припарковал свой «комби» на парковочной площадке, почти пустой, если не считать нескольких автомобилей. Он достал из багажника оба чемодана, и когда Пия попыталась взять у него один из них, только буркнул:

– Иди уже.

С того самого момента, когда четверть часа назад Хеннинг высадил Кристофа у ворот Биркенхофа, он угрюмо молчал. Пия, прожившая с ним шестнадцать лет, прекрасно знала все особенности его натуры и потому не придавала этому никакого значения. Бывало, доктор Кирххоф не произносил ни слова в течение трех дней.

Пия пересекла небольшую асфальтированную площадь, украшенную пышными клумбами и изящным фонтаном, возле которого стояли два полицейских автомобиля. В глаза бросилась табличка над дверью с названием фирмы. Общество с ограниченной ответственностью «ВиндПро». Располагавшийся рядом стилизованный ветряк недвусмысленно указывал на сферу деятельности фирмы. Наверху лестницы, ведущей к входным дверям, стоял, позевывая, полицейский. Кивком головы он разрешил им войти. Едва они вошли в величественный вестибюль, как в нос Пии ударил сладковатый запах разлагающейся плоти.

– Да, кто-то действительно пролежал все выходные в этой коробке, – заметил Хеннинг.

Пропустив это циничное замечание мимо ушей, Пия оглядела холл с лестницей и стеклянным лифтом. Перед длинной стойкой из высококачественной стали сидела на стуле женщина, наклонившись вперед, упершись локтями в колени и спрятав лицо в ладони. Рядом с ней стояли несколько полицейских и человек в штатском. Вероятно, это и был новый коллега Пии, о котором говорил Боденштайн.

– Ты только посмотри, ну надо же, – сказал Хеннинг.

– Что такое? Ты знаешь его?

– Да. Кемалетдин Алтунай. До сих пор он работал в К-2 в Оффенбахе.

Будучи заместителем директора Института судебной медицины во Франкфурте, Хеннинг знал большинство сотрудников отделов по раскрытию насильственных преступлений в регионе Рейн-Майн и Южном Гессене.

Пия окинула взглядом человека, который склонился над сидевшей женщиной и что-то тихо говорил ей. Около сорока лет, определила она. По крайней мере, чисто внешне он производил более благоприятное впечатление, нежели его предшественник, Франк Бенке. Белоснежная рубашка, черные джинсы, начищенные ботинки, коротко стриженные густые черные волосы – его наружность была безупречной. Пия вдруг почувствовала себя немного неуютно в мягкой серой тенниске с ободками от пота под мышками и покрытых пятнами джинсах. Все-таки нужно было принять душ и переодеться. Слишком поздно.

– Приветствую вас, доктор Кирххоф, – произнес новичок приятным баритоном и, повернувшись к Пии, протянул руку. – Старший комиссар уголовной полиции Кем Алтунай. Рад познакомиться с тобой, Пия. Кай и Катрин уже многое рассказали о тебе. Хорошо провела отпуск?

– Я... ну да, конечно. Спасибо, – сказала она, запинаясь. – Я прилетела всего полчаса назад. Самолет задержали на девять часов...

– И тут сразу труп... Мне очень жаль.

Кем Алтунай виновато улыбнулся, как будто ответственность за это лежала на нем. Несколько секунд они смотрели друг на друга, потом Кирххоф опустила глаза. Взгляд его темно-шоколадных глаз вызвал у нее раздражение. Последовало неловкое молчание. Стоявший сзади них Хеннинг насмешливо кашлянул, и это вернуло Пию в реальность. Она овладела собой.

– Так что мы имеем? – деловито осведомилась она.

– Имя покойника Рольф Гроссман. Около двух лет он проработал здесь ночным сторожем. Похоже на несчастный случай, – сказал Кем. – Служащая фирмы обнаружила тело сегодня утром, примерно в половине седьмого. Пойдемте со мной.

Сладковатый запах постепенно усиливался. Трупы, которые так пахнут, выглядят не очень аппетитно. Поднимаясь вслед за Кемом по лестнице, Пия настраивала себя на мало-приятное зрелище, и все же на несколько мгновений у нее перехватило дыхание от увиденного. Покойник с раздувшимся, бледным лицом, почти утратившим человеческие черты, и неестественно вывернутыми конечностями лежал на лестничной площадке между третьим и четвертым этажами. Пия Кирххоф многое повидала за время своей работы, но при виде копошившихся мух, облепивших труп, ей стало дурно. Только профессиональное самообладание не позволило ей продемонстрировать свою слабость в присутствии нового коллеги.

– Почему ты считаешь, что это несчастный случай? – спросила она, подавляя приступ тошноты. В помещении было жарко, и ее тело покрылось потом. – Фу! Неужели нельзя включить кондиционер или открыть стеклянный купол?

– Только посмей! – крикнул Хеннинг, уже облачившийся в одноразовый белый комбинезон. – Ты испачкаешь мне место преступления.

Пия заметила удивленный взгляд своего нового коллеги.

– Мы когда-то были женаты, – пояснила она. – Ну, и что же ты думаешь по поводу всего этого?

– Впечатление такое, что он споткнулся и упал, покотившись вниз по лестнице, – ответил Кем Алтунай.

– Хм, – Пия окинула взглядом лестницу, которая, поднимаясь вверх, плавно поворачивала на четвертый этаж. – Ты ведь уже поговорил с женщиной, нашедшей тело? Что она вообще делала здесь в половине седьмого утра?

В этот момент Хеннинг с громким щелчком открыл крышку своего чемодана. Когда он склонился над телом и принялся внимательно осматривать его, над ним с жужжанием закружились мухи.

– Говорит, что всегда начинает так рано. Она работает в бухгалтерии. – Алтунай повернулся к женщине, все еще сидевшей неподвижно на стуле. – У нее шок. С покойным они как будто были в хороших отношениях, часто по утрам пили вместе кофе.

– Как же случилось, что он, вот так просто, упал с лестницы?

– У него были проблемы с алкоголем. Во всяком случае, так утверждает бухгалтерша, – ответил Кем. – От трупa пахнет алкоголем, и в приемной обнаружена початая бутылка виски «Джек Дэниэлс».

Запахавшийся водитель службы доставки в темно-коричневом комбинезоне протянул ей ручку, чтобы она расписалась в квитанции.

Она нацарапала свою подпись и удовлетворенно улыбнулась. Мужчина не скрывал своего недовольства тем, что она заставила его втаскивать тяжелую коробку в помещение склада вместо того, чтобы оставить ее во дворе. Но Фрауке Хиртрайтер было на это наплевать.

Она вошла в торговый зал, включила свет и огляделась. Хотя магазин, в сущности, принадлежал Рики, она любила его, словно это была ее собственность. Наконец-то Фрауке нашла место, где чувствовала себя комфортно. Оно носило название «Рай для животных» и не имело ничего общего со смрадными, сырыми, плохо освещенными зоосадами, какие Фрауке знавала в детстве. Она открыла дверь в подсобное помещение, где размещался собачий салон. Это была ее вотчина. На вечерних курсах она овладела навыками профессии собачьего парикмахера, или грумера, как сегодня принято ее называть. Услуги Фрауке пользовались популярностью и неплохо оплачивались. Помимо всего прочего, Рики создала школу дрессировки собак, а несколько недель назад появился и интернет-магазин, функционировавший с каждым днем все более и более успешно. Пройдя через здание магазина, Фрауке вернулась в офис, где Ника уже сидела за компьютером и изучала поступившие заказы.

– Сколько всего? – с любопытством осведомилась Фрауке.

– Двадцать четыре, – ответила Ника. – По сравнению с прошлым понедельником рост на сто процентов. Только я не могу внести новые товары в компьютер.

– Почему? – Фрауке достала две чашки из шкафа, висевшего над мойкой в мини-кухне. В кофеварке бурлила и клокотала вода.

– Понятия не имею. Все та же проблема. Я набираю наименование товара, но когда хочу сохранить запись, ничего не происходит.

– Нужно, чтобы Марк посмотрел, в чем дело. Он наверняка разберется.

– Да, наверное. – Ника нажала на клавишу, и спустя несколько секунд лазерный принтер выдал лист с заказами. Она зевнула, потянувшись. – Пойду на склад.

– Давай сначала выпьем кофе. Куда спешить. – Фрауке разлила кофе по чашкам и протянула одну Нике. – Молоко уже там.

– Спасибо, – Ника улыбнулась и подула на горячий кофе.

Фрауке была очень рада, что Ника влилась в команду «Рая для животных», поскольку Рики уделяла магазину все меньше и меньше времени. Помощники, которых направляла к

ним биржа труда, мало чего стоили. Один был вороват, другой слишком глуп, чтобы выполнять заказы, третий уже спустя несколько дней жаловался на боль в спине от тяжелой работы. Ника отличалась усердием и никогда ни на что не жаловалась. Она навела порядок в бухгалтерии, где до нее царил хаос, и после увольнения уборщицы даже убиралась по вечерам в помещениях магазина. Фрауке знала о ней совсем немного – только то, что она подруга Рики и живет вместе с ней и Янисом в Шнайдахне – снимает у них угол. При первой встрече Ника не произвела на нее особого впечатления: худая, молчаливая, с пепельно-светлыми волосами, свисавшими отдельными прядями, в очках, с нездоровой бледностью в лице, облаченная в одежду, какую другие обычно суют в контейнеры Красного Креста. На фоне Рики она выглядела серой куропаткой рядом с павлином, но, возможно, именно поэтому они и были близкими подругами. Рики не придавала большого значения конкуренции, да Ника и не могла быть ей соперницей, точно так же, как и Фрауке. Ей очень хотелось бы узнать о Нике побольше, но, к сожалению, та была не очень разговорчива, часто выглядела печальной и никогда ничего не рассказывала о себе. Иногда Фрауке, уже не имея больше сил сдерживать любопытство, задавала ей откровенные вопросы, но Ника всегда смеялась и отвечала: ее жизнь настолько заурядна, что говорить о ней нет никакого смысла.

– Итак, за дело, – сказала Ника, поставив чашку в раковину. – Рики собиралась приехать в половине десятого, чтобы доставить заказы. Ты позвонишь Марку?

– Да, конечно. – Фрауке рассмеялась. Ее жизнь действительно переменилась к лучшему. Она надеялась, что так будет и дальше. А лучше бы – всегда.

Хеннинг тщательно осмотрел тело и, сделав первые выводы, снял защитную маску и повернулся к Пие и Кему Алтунаю.

– Судя по всему, смерть наступила между тремя и шестью часами утра субботы, – объявил он. – Трупное окоченение уже прошло, трупные пятна еще не проступили.

– Спасибо, – Пия кивнула бывшему мужу, который пристально, наморщив лоб, смотрел на покойника. – Что такое? – спросила она.

– Хм, может быть, я ошибаюсь, но, похоже, причиной смерти является не падение с лестницы. Его затылок цел.

– Думаешь, кто-то помог ему?

– Вполне возможно.

Кирххоф уже подумала, не позвонить ли ей Боденштайну, но, немного поразмыслив, отказалась от этой идеи. Шеф поручил руководство расследованием ей, значит, принимать решения должна она. Подозрение Хеннинга относительно того, что может иметь место убийство, – вполне достаточное основание для приведения в движение следственной машины.

– Нужно вызвать экспертов и еще нескольких сотрудников для обеспечения сохранности следов на месте происшествия, – сказала Пия Алтунаю. – Следует опечатать здание и не пускать внутрь посторонних до тех пор, пока мы не выясним, что здесь в действительности произошло. И я хочу, чтобы было произведено вскрытие.

– Хорошо, я позабочусь об этом, – сказал Кем и достал из кармана брюк мобильный.

Они начали спускаться по лестнице. Снизу из вестибюля доносились громкие голоса. Сотрудник полиции, в обязанности которого входило не пускать в здание служащих фирмы «ВиндПро», дабы они не затоптали возможные следы, оставил свой пост и подошел к Пие.

– Что происходит? – спросила она.

– Приехал глава фирмы и хочет войти, – ответил полицейский.

– Впустите его. Но остальные должны оставаться на улице.

Полицейский кивнул и пошел к дверям.

– Сейчас можно немного проветрить здание? – спросила Пия Хеннинга. Ее одежда пропиталась потом, а запах тлена был просто невыносим.

– Нет, – отрезал Хеннинг. – Нельзя, пока не будут обнаружены и зафиксированы следы. Я не хочу выслушивать потом упреки Крёгера.

– Тебе так или иначе придется их выслушать, – сказала Пия. – Поскольку ты раньше его прикоснулся к труп.

Кем сделал подряд три звонка и засунул телефон обратно в карман.

– Эксперты вызваны, мы в скором времени получим подкрепление, Кай свяжется с прокурором, – доложил он.

– Отлично. Приехал шеф нашего покойника. Как будем действовать? – спросила Пия нового коллегу.

– Ты спрашиваешь, я слушаю, – ответил тот.

– Договорились.

У нее отлегло от сердца. Похоже, с Кемом Алтунаем не будет проблем, связанных с полномочиями, как с Бенке, который всегда, по любому поводу напоминал ей о своем более высоком звании, когда они проводили вместе расследование.

В вестибюль вошел высокий широкоплечий мужчина в сопровождении сотрудника полиции. Тошнотворный смрад и известие о гибели служащего фирмы на рабочем месте стерли краски с его лица. Но не успел он представиться Пие, как вышла из состояния оцепенения женщина, обнаружившая труп. Она вскочила со стула и с рыданиями бросилась к своему шефу, издавая нечленораздельные звуки. Глава фирмы вначале бросил на нее раздраженный взгляд, но потом заключил в объятия и принялся утешать, глядя по худым плечам. Алтунаю стоило труда уговорить всхлипывающую женщину отпустить шефа. Остальные служащие, сгрудившиеся у дверей за ограждением, почтительно молчали. Глава «ВиндПро» был явно озадачен, но сохранял самообладание.

– Пия Кирххоф из К-2 в Хофхайме, а это мой коллега Кем Алтунай, – сказала, обращаясь к нему, Пия.

– Штефан Тейссен, – представился он. – Что случилось?

Ладонь Тейссена была сильной и слегка потной, что объяснялось жарой и волнением. Пия окинула его оценивающим взглядом. Рост не меньше метра девяносто, довольно приятная наружность. На короткое время терпкий запах его лосьона для бритья заглушил трупный запах. Аккуратно расчесанные волосы были еще влажными, кожа над воротом рубашки немного покраснела от прикосновения бритвы.

– По всей видимости, с вашим ночным сторожем, герром Гроссманом, произошел несчастный случай со смертельным исходом.

Пия внимательно наблюдала за реакцией Тейссена.

– Это ужасно. Как... что... я имею в виду... – Он запнулся, не зная, что сказать. – Боже милостивый!

– На данный момент мы считаем, что он упал с лестницы, – сказала Пия. – Однако будет лучше, если мы продолжим разговор где-нибудь в другом месте.

– Да, конечно. Может быть, пройдем в мой кабинет? – Тейссен вопросительно взглянул на Пию. – Он на четвертом этаже. Мы можем подняться на лифте.

– Лучше не надо. Мы ждем своих коллег-экспертов. Пока они не закончат работу, никто не должен входить в здание.

– А как быть с моими служащими? – поинтересовался Тейссен.

– К сожалению, сегодня им придется начать работу несколько позже, – ответила Пия. – После того, как мы реконструируем ход произошедших здесь событий.

– Сколько времени это займет?

На этот традиционный вопрос Кирххоф дала традиционный ответ:

– Не могу вам сказать точно. – Она повернулась к Алтунаю: – Кем, когда придут эксперты, скажи им, чтобы мне позвонили.

Пия испытывала странное чувство, запросто обращаясь на «ты» к этому незнакомцу. Почему-то она не воспринимала его в полной мере как коллегу. Может быть, привычная рутина казалась ей тяжелей обычного, потому что еще вчера в это время она находилась далеко отсюда. У Пии мелькнула мысль о Кристофе, и она прикоснулась к кольцу на безымянном пальце, на которое не раз бросил взгляд наблюдательный Хеннинг. Она с удовольствием посмаковала бы еще немного воспоминания о последней ночи в Китае, но ощутила на себе выжидающий взгляд Тейссена.

Кем вернулся, и они пошли вслед за главой «ВиндПро» в конференц-зал, находившийся на первом этаже.

– Садитесь, пожалуйста, – Тейссен указал им на стулья, стоявшие за длинным столом президиума. Закрыв дверь, он положил на стол свой портфель. Прежде чем сесть, расстегнул пуговицы пиджака. Ни грамма жира, отметила про себя Пия, хотя главе фирмы было около пятидесяти. Наверное, каждое утро бегают трусцой или крутит педали горного велосипеда среди холмов Таунуса², в числе многих других приверженцев здорового образа жизни, выезжающих на утреннюю прогулку ни свет ни заря. Первый шок прошел, Тейссен немного расслабился, и на его щеках снова заиграл румянец. – Чем я могу помочь вам?

– Одна из ваших служащих нашла сегодня утром тело герра Гроссмана, – начала Пия, и вдруг ей вспомнилось, как Тейссен утешал женщину, заключив ее в объятия. Шеф с сердцем. Свидетельство в его пользу.

– Госпожа Вайдауэр, – подтвердил Тейссен. – Она бухгалтер и всегда приходит на работу рано.

– Она сказала нам, что господин Гроссман имел проблемы с алкоголем. Это соответствует действительности?

Глава фирмы кивнул и тяжело вздохнул.

– К сожалению, да. Он пил не постоянно, но время от времени срывался.

– Не представляло ли это опасность для вашей фирмы, ведь он все-таки служил у вас ночным сторожем?

– Н-да, – Штефан Тейссен взъерошил пальцами волосы, подбирая нужные слова. – Дело в том, что мы с Рольфом дружили еще в школьные годы.

Пия была поражена. Либо она крупно ошиблась при определении возраста Тейссена, либо смерть и последующее разложение сильно состарили Рольфа Гроссмана.

– В школе мы были близкими друзьями, но потом потеряли друг друга из вида. Увидев его снова на встрече одноклассников пару лет назад, я был потрясен. Жена его бросила, жил он в общежитии во Франкфурте, работы у него не было. – Тейссен сокрушенно пожал плечами. – Мне стало его жалко, и я взял его к себе в фирму. Вначале он был шофером, а после того, как потерял водительское удостоверение, стал ночным сторожем. Большую часть времени с ним было все в порядке. На работе он не пил, и на него можно было положиться.

– Большую часть времени? – переспросил Кем. – Значит, не всегда?

– Нет, не всегда. Однажды я, заехав сюда поздно вечером после возвращения из командировки, застал его мертвецки пьяным в кухне. После этого он прошел трехмесячный курс лечения воздержанием. В течение года не было ни одного случая, и я решил, что с его пьянством покончено.

Честно. Откровенно. Никаких оправданий или приукрашиваний.

– Согласно предварительному заключению судмедэксперта господин Гроссман умер в субботу, около четырех часов утра, – сказала Пия. – Почему до сегодняшнего утра его никто не хватился?

² Горный массив в Центральной Германии, в федеральных землях Гессен и Рейнланд-Пфальц.

– Он жил один, а в выходные здесь никто не бывает. У нас сейчас горячая пора, мы осуществляем один проект, – сказал Штефан Тейссен. – Иногда я прихожу в офис по субботам и воскресеньям, но в эти выходные меня не было в городе. Дежурство Рольфа... то есть господина Гроссмана, начинается в шесть часов вечера, а заканчивается в шесть утра.

Все, что сказал Тейссен, звучало вполне убедительно. Пия поблагодарила его за предоставленную информацию, и они поднялись из-за стола. В этот момент зазвонил ее мобильный. Это был Хеннинг.

– Я тут обнаружил кое-что чрезвычайно интересное, – сказал он. – Подойди к лестнице, и чем быстрее, тем лучше.

Он вглядывался в ее лицо, испытывая угрызения совести из-за того, что так долго у нее не был. Она открыла глаза, но взгляд ее был устремлен в пространство. Понимала ли она, что он говорил, чувствовала ли его прикосновения?

– Вчера вечером был просто невероятный успех. – Он погладил ее руку. – Все, буквально все были там. Даже фрау Меркель. Ну и разумеется, пресса. Во всех сегодняшних газетах передовицы посвящены книге. Тебе это непременно понравилось бы, сокровище мое.

Через наклонное окно в комнату проникали звуки города: звонки трамваев, автомобильные гудки, шум моторов. Дирк Айзенхут взял руку своей жены и поцеловал холодные пальцы. Каждый раз, когда он входил в комнату и видел ее, лежавшую в постели с открытыми глазами, в его душе зарождалась надежда. Известны случаи, когда люди выздоравливали спустя годы пребывания в бодрствующей коме. И сегодня никто не может с уверенностью сказать, что происходит в сознании такого пациента. Дирк знал, что она слышит его. Порой ему казалось, что она реагирует на его голос, отвечает на пожатие его руки – и даже улыбается, когда он вспоминает вслух прошлое или целует ее.

Вполголоса Дирк рассказывал ей о презентации своей новой книги, состоявшейся вчера в здании Немецкой оперы и вызвавшей огромный интерес у представителей средств массовой информации. Он называл имена присутствовавших на ней именитых гостей – политиков, экономистов, деятелей культуры, цитировал поздравления друзей и знакомых. Когда в дверь постучали, Дирк не повернул головы.

– К сожалению, некоторое время я не смогу тебя навещать, поскольку вынужден уехать, – прошептал он. – Но я всегда думаю о тебе, сердце мое.

В комнату вошла Ранка – как ему представлялось, дельная, умелая сиделка. От нее всегда слегка пахло лавандой и розами.

– Господин профессор, вы находитесь здесь уже достаточно долго. – В ее тоне послышалось неодобрение, но Дирк не собирался оправдываться.

– Привет, Ранка, – сказал он. – Как дела у моей жены? – Обычно сиделка подробно рассказывала о буднях Беттины, о прогулках на балконе и положительной динамике, выявленной во время сеансов психотерапии. Сегодня ничего подобного не было.

– Хорошо, – только и ответила Ранка. – Как всегда, хорошо.

Это плохо. Дирк Айзенхут не желал слышать о том, что ничего не изменилось. Отсутствие изменений – это регресс. Поначалу процесс ранней реабилитации протекал успешно, и состояние Беттины, благодаря стимулирующим процедурам, сеансам психотерапии и логопедии, медленно, но неизменно улучшалось. Она вновь научилась самостоятельно глотать, и со временем отпала необходимость сначала в трахеотомической трубке, а затем и в желудочном зонде. Шанс на выздоровление при апаллическом синдроме составляет 50%. Будучи ученым, Дирк прекрасно понимал, что никакой гарантии нет и как мал этот шанс – пятьдесят процентов. Если в течение года не происходят заметные улучшения физических и психологических показателей и пациент продолжает пребывать в бессознательном состоянии,

нужно переходить к фазе F. Научное определение этой фазы реабилитации звучит следующим образом: «долговременное активизирующее лечение». И это означает утрату всякой надежды на выздоровление.

Он поцеловал жену на прощание, сказал Ранке, что должен уехать на пару дней по делам, и вышел из комнаты.

После той ужасной новогодней ночи Дирк всего два раза приезжал на виллу в Потсдаме – точнее, на руины, оставшиеся от нее после пожара: один раз вместе с полицейским экспертом, чтобы оформить акт, и второй раз, чтобы забрать документы из почти не пострадавшего от огня рабочего кабинета. Сейчас он жил в центре города, в квартире, которую так любила Беттина, – неподалеку от клиники, на Розенталерштрассе. Его совершенно не угнетало то, что каждое утро приходилось ехать через весь город на работу. Это было своего рода покаяние. Айзенхут кивнул портье и вышел на улицу. На него сразу обрушились шум и лихорадочная суета города. Он остановился и сделал несколько глубоких вдохов. Его поглотила, обогнув с двух сторон, кричащая и смеющаяся орда туристов, направлявшаяся к отелю «Хакешен Хофен». У обочины рядом с ним остановилось такси, и водитель вопросительно взглянул на него. Айзенхут отрицательно покачал головой, дав понять, что не нуждается в его услугах. После посещения Беттины ему всегда хотелось прогуляться, тем более что дом был в двух шагах. Дирк пересек улицу и, пройдя сотню метров, повернул на Нойе-Шонхаузерштрассе, где стоял его дом.

Вероятно, Дирк пережил бы эту трагедию легче, если бы у него не было возможности предотвратить ее. Когда он вернулся после праздничного вечера в институте, дом уже был объят пламенем. Из-за мороза и проблем с водой прошла целая вечность, прежде чем пожарные смогли проникнуть в пылающий ад. Беттина выжила чудом. Врачу «Скорой помощи» удалось вернуть ее к жизни. Но ее мозг из-за задымления долго не получал кислорода. Слишком долго.

Дирк до сих пор не преодолел последствия шока и отдавал себе отчет в том, что это была его вина. Он совершил страшную, непростительную ошибку, ошибку, которую ему никогда не удастся исправить.

Сегодняшний день мог стать судьбоносным. На протяжении недель, месяцев он собирал информацию, которую анализировал и переводил на общепонятный немецкий язык, чтобы обзавестись соратниками в борьбе. Его усилия увенчались успехом: общественный инициативный комитет «Нет ветрякам в Таунусе» насчитывал свыше двух сотен членов и в десять раз больше сочувствующих. Это была его идея – незадолго до заседания общественного собрания еще раз осветить данную тему на телевидении. Он обо всем позаботился, и сегодня во второй половине дня должны были состояться съемки. Как много от этого зависело! Его противники должны были понять, что имеют дело не с горсткой сумасшедших, а с сотнями граждан, выступающих против безумной идеи создания парка ветрогенераторов.

Янис Теодоракис вышел из душа, вытерся полотенцем и с сомнением провел пальцами по небритому лицу. В принципе, ему нравилось ходить с трехдневной щетиной, но перед телезрителями будет лучше предстать в более аккуратном, ухоженном виде. Побрившись, он прошел в спальню, где подверг тщательной инспекции свой гардероб. Не будет ли выглядеть костюм слишком претенциозно? Когда-то Янис ходил на работу в костюме и галстуке, но эти времена давно прошли. В конце концов он остановил свой выбор на джинсах в сочетании с белой рубашкой и пиджаком «Сакко». С тех пор, как хозяйство начала вести Ника, платяные шкафы были заполнены аккуратно выглаженной одеждой. Янис разложил джинсы и рубашку на двухместной кровати, вид которой несколько омрачил его хорошее настроение. Рики спала на диване в гостиной или вообще на полу, поскольку лежать в кровати, по ее словам, не могла из-за болей в спине. Она уже давно молча страдала под бременем забот,

которые взваливала на себя изо дня в день, но никогда не призналась бы в этом. Магазин, работа в приюте для животных и в школе дрессировки собак, организационная деятельность в общественном инициативном комитете – все это требовало много времени, и на личную жизнь почти ничего не оставалось. Результатом столь напряженного ритма и стали боли в спине, которые регулярно вынуждали ее прибегать к услугам мануального терапевта и, как он подозревал, служили удобным предлогом для того, чтобы отказывать ему в близости.

Янис покинул спальню и прошел на кухню. Кошки, сонно нежившиеся на солнце, лежа на стульях, тут же спрыгнули на пол и выбежали на террасу через специально вырезанную для них дверку. Животные, которых Рики, движимая своей безграничной любовью к братьям меньшим, приносила домой, действовали ему на нервы. К обоим собакам Янис относился более или менее терпимо, но совершенно не переносил кошек, этих надменных проныр, повсюду оставлявших свою шерсть. Те отвечали ему взаимностью, выражая в его адрес презрение и пренебрегая его обществом.

Проникавший через окно яркий солнечный свет заливал кухню. Стоял прекрасный летний день, идеально подходивший для телесъемок. Янис налил себе кофе и намазал кусочек свежего хлеба маслом и земляничным джемом. Его бесцельно блуждавшие мысли опять вернулись к Нике, что последнее время происходило довольно часто.

Поначалу он обращал внимание лишь на ее странную внешность: причудливая одежда, невероятная прическа, совиные очки. Говорила Ника очень мало и была настолько сдержанной, замкнутой и незаметной, что он порой забывал о ее присутствии в доме. Он ничего не знал о ней, и она не интересовала его – вплоть до происшествия, случившегося три недели назад.

Вызвав в памяти этот случай, который изменил все, Янис почувствовал волнение. Тогда он спустился в подвал за бутылкой вина к ужину и, поднявшись обратно, увидел, как из ванной вышла Ника – совершенно обнаженная, с зачесанными назад мокрыми волосами. Несколько секунд они в ужасе смотрели друг на друга, после чего он поспешно удалился в направлении лестницы, бормоча под нос извинения. Ни один из них не упоминал об этой непредвиденной встрече, но непринужденность их отношений улетучилась. Образ обнаженной Ники прочно засел в его сознании. С тех пор, когда Янис лежал один в постели, а рядом на полу посапывала Рики, он думал только о Нике. С каждой целомудренной ночью его влечение к ней становилось все сильнее и со временем превратилось в наваждение, причиняя ему страдания. Если бы он дал ревливой Рики хотя бы малейший повод для подозрений в неверности, разразился бы страшный скандал. Но даже подобная перспектива не могла воспрепятствовать его грезам об обнаженных грудях Ники.

– Ника, – пробормотал он, испытывая сладостное и вместе с тем мучительное чувство, которое теперь неизменно вызывало у него ее имя, произнесенное вслух. Воспоминание об их встрече, перераставшее в необузданные фантазии, завершавшиеся отнюдь не его постыдным бегством, не давало ему покоя. – Будь ты проклята, Ника.

Главный комиссар уголовной полиции Оливер фон Боденштайн стоял перед зеркальной дверцей платяного шкафа и с угрюмым видом повязывал галстук. Что за бредовая идея устраивать свадьбу утром в понедельник, вынуждая тем самым работающих гостей брать выходной! Оливер окинул критическим взглядом свое отражение в зеркале. Хотя он и втягивал живот, тот, к его крайнему неудовольствию, все равно выпирал над брючным ремнем. Вчера вечером стрелка весов впервые в его жизни зашла за отметку 90 килограммов, и это явилось для него весьма неприятным сюрпризом. До центнера ему не хватало всего каких-то девяти килограммов! Если он не прекратит каждый вечер ужинать у родителей, опорожняемая на двоих с отцом бутылка красного вина, то в скором времени брюки просто перестанут сходиться на талии.

Боденштайн натянул пиджак. Костюм скрыл несовершенства его фигуры, но настроение ему это не улучшило. И дело было не только в предстоящем свадебном банкете и прибавлении в весе. В течение двадцати лет его жизнь протекала спокойно и размеренно, но после расставания с Козимой шесть месяцев назад все в ней перепуталось, не один только режим питания. В скором времени он понял, что совершил ошибку, вступив в связь с Хайди Брюкнер, с которой познакомился при проведении расследования в ноябре прошлого года. Они встретились в то время, когда из-за неверности Козимы в его жизни произошла катастрофа, и Хайди помогла ему на первых порах преодолеть душевную боль, но он еще не был готов к новым близким отношениям. Они еще пару раз поговорили по телефону, и больше он ей не звонил. На этом все кончилось – без каких-либо объяснений и сожалений с его стороны.

Истинная причина того, что Оливер с большей охотой поехал бы с коллегами расследовать смерть ночного сторожа, нежели на церемонию бракосочетания в ратуше Келькхайма, заключалась в Козиме. После того, как полгода назад она поставила его перед фактом и вскоре после этого отправилась со своим русским любовником в кругосветное путешествие, он почти не общался с ней. Оливер все еще питал к ней недобрые чувства, поскольку она из чистого эгоизма разрушила семью и, соответственно, его жизнь. В течение нескольких месяцев она состояла в тайной связи с этим авантюристом Александром Гавриловым, о чем он даже не подозревал. Козима сделала из него дурака и не оставила ему иного выбора, кроме как смириться с ее решением, хотя бы ради детей. Лоренц и Розали были уже достаточно взрослыми и довольно самостоятельными, но Софии тогда исполнилось всего лишь два с половиной года, и она нуждалась как в отце, так и в матери.

Боденштайн в последний раз с грустью взглянул на свое отражение. Он твердо решил использовать расследование в качестве предлога, чтобы уехать сразу после церемонии бракосочетания, если Козима наберется наглости и приведет с собой этого Гаврилова. В глубине души он почти надеялся, что она именно так и поступит.

Еще издали он увидел два автомобиля во дворе и догадался, что его ожидает. Людвиг Хиртрайтер отнюдь не принадлежал к тем людям, которые избегают конфликтов, поэтому он дошел до садовой калитки и распахнул ее. Телль подбежал к двум стоявшим во дворе усадьбы мужчинам и принялся облаивать их.

– Телль! – крикнул он. – К ноге!

Собака моментально подчинилась команде.

– Что вам нужно? – пробурчал Хиртрайтер. Мысленно он все еще находился на поляне, где только что производилась незаконная вырубка леса. Его сыновья выбрали крайне неудачный момент для визита.

– Доброе утро, папа, – сказал Маттиас, младший сын, с улыбкой. – У тебя найдется время выпить с нами по чашечке кофе?

Слишком примитивная хитрость.

– Нет, если вы опять заведете разговор о Поповском луге.

Он прекрасно понимал, для чего они приехали. Годами сыновья избегали общения с ним, ограничиваясь бессодержательными рождественскими открытками и дежурными поздравлениями с днем рождения по телефону. Его это вполне устраивало. Он смотрел на своих сыновей, высоко подняв брови, словно удивляясь тому, что видит их. Стоявшие в шикарных костюмах рядом со своими роскошными автомобилями, они выглядели несколько смущенными.

– Отец, пожалуйста, – заговорил Грегор робким, нерешительным тоном, мало соответствовавшим как ему самому, так и его дурацкому спортисту. – Ты ведь наверняка не хочешь, чтобы мы потеряли все, что нажили.

– Какое отношение это имеет ко мне? – Людвиг Хиртрайтер снял ружье с плеча, поставил на землю и оперся на него. – Вас никогда не интересовали мои дела, почему меня должны интересовать ваши?

Две недели назад они позвонили ему – впервые за долгое время. Просто так, по их словам. Он сразу почувствовал неладное, и, как очень скоро выяснилось, не напрасно. По сей день Людвиг Хиртрайтер не знал, каким образом его сыновья узнали о предложении, сделанном ему фирмой «ВиндПро», но только это могло быть причиной внезапно вспыхнувшей сыновней любви. В каком бедственном положении они, должно быть, оказались, если после стольких лет появились у него! Первым о Поповском луге заговорил Маттиас. На смену учтивым любезностям пришли смиренные просьбы, перешедшие в сокрушенные откровения по поводу затруднительного финансового положения. Когда это не возымело действия, они стали взывать к его отцовскому долгу. Оба находились на грани банкротства. Один со страхом ждал прихода ликвидатора³, второй – появления судебного исполнителя. Оба срочно нуждались в деньгах. Они очень боялись насмешек со стороны тех, кому на протяжении многих лет пускали пыль в глаза роскошью своей жизни.

– Это все? – Хиртрайтер смерил взглядом сыновей, до которых ему уже давно не было дела. Он больше не испытывал к ним никаких чувств, ни добрых, ни недобрых. – Ну ладно, у меня много дел.

Он повесил ружье на плечо и пошел в сторону дома.

– Подожди, отец, пожалуйста. – Маттиас сделал шаг в его сторону. В его взгляде больше не было высокомерия – одно лишь отчаяние. – Мы не можем понять, почему ты так противишься продаже этого луга. Они не собираются прокладывать у тебя под носом федеральную трассу. Самое большее, две недели потерпишь шум и грязь во время строительства, ну, потом еще пару дней поработают техники.

В его словах имелся резон. Отвергать предложение «ВиндПро» было действительно глупо, тем более что они добавили миллион. Но как он будет выглядеть в глазах тех, кто поверил его слову? Генрих больше не сможет с ним разговаривать! Если он продаст луг, ничто не будет препятствовать созданию парка ветрогенераторов, и все окажется напрасным.

Маттиас, по всей очевидности, расценил молчание отца как частичный успех.

– Нам искренне жаль по поводу случившегося тогда, – добавил он. – Мы наговорили много всяких глупостей и обидели тебя. Но что случилось, то случилось. Можно начать все сначала и жить единой семьей. Твои внуки хотели бы чаще видеть своего деда.

Еще одна неуклюжая уловка.

– Очень любезно с вашей стороны, – сказал Людвиг Хиртрайтер. Он заметил огонек надежды, вспыхнувший в глазах его младшего сына, и с наслаждением потушил его. – Но вы приехали слишком поздно. Вы оба мне совершенно безразличны. Оставьте меня в покое, как вы это делали в течение двадцати лет.

– Послушай, отец, – предпринял последнюю отчаянную попытку Грегор. – Мы все-таки твои дети и...

– Вы всего лишь эпизод в моей жизни, не более того, – оборвал его Людвиг Хиртрайтер на полуслове. – Я не продам луг, и никакие уговоры вам не помогут. А теперь убирайтесь из моей усадьбы.

К расследованию приступили криминалисты под руководством главного комиссара уголовной полиции Кристиана Крёгера. Облаченные в белые комбинезоны с капюшонами и с масками на лицах, они выполняли рутинную работу: отыскивали, фотографировали и

³ Лицо, назначаемое судом, или членами компании, или ее кредиторами, для урегулирования дел компании при ее ликвидации.

нумеровали следы, которые могли иметь отношение к происшествию. Это была утомительная процедура, занимающая много времени, и у Пии едва хватало терпения наблюдать за ней. Двое сотрудников посыпали лестничные перила на всех этажах специальным порошком для снятия отпечатков пальцев. Пия считала это бессмысленным занятием, поскольку к перилам ежедневно прикасались десятки людей, но она держала свое мнение при себе, дабы в первый день после отпуска не вызвать неудовольствия Крёгера.

Тем временем толпа, собравшаяся на улице у входных дверей, рассеялась. Исчезла и госпожа Вайдаур. В здании царила торжественная тишина, нарушаемая лишь щелчками фотокамер.

– Привет, Кристиан, – обратилась Пия к руководителю криминалистической службы. Он и Хеннинг стояли на коленях на лестничной площадке возле трупa, не обращая внимания на смрад и жужжавших мух.

– Привет, Пия, – отозвался Крёгер, не поднимая головы. – Взгляни-ка, что обнаружил господин судмедэксперт.

Пия и Кем Алтунай приблизились к ним. Доктор Хеннинг Кирххоф и Кристиан Крёгер работали вместе уже много лет и регулярно встречались в местах совершения преступлений, но между ними не было взаимной симпатии. Напротив, они не выносили друг друга, хотя каждый из них отдавал должное профессиональным качествам другого.

– Вот. – Хеннинг взял руку покойника, сжатую в кулак, и разогнул пальцы. – Если я не ошибаюсь, он держит в руке обрывок латексной перчатки.

– Ну и что? – Пия в недоумении встряхнула головой. – Что это может означать?

– Конечно, вполне вероятно, что у него была привычка совершать ночной обход с ключком латексной перчатки в руке. Может быть, он служил для него чем-то вроде фетиша, – произнес Хеннинг назидательным тоном, который способен был довести Пию до белого каления. – Я видел и не такое. Помнишь, пару лет назад один директор банка повесился в своем кабинете на бюстгальтере матери?

– Помню, – нетерпеливо перебила его Пия. – Какое это имеет отношение к данному покойнику?

– Никакого, – сказал Хеннинг. – Это может иметь некое отдаленное отношение к латексной перчатке. Но что вы скажете об этом?

Он поднял голову и велел жестом Пии и Кему следовать за ним вверх по лестнице. Примерно на пятой ступеньке остановился и указал на кровавое пятно на сером граните размером с ладонь.

– Это, вне всякого сомнения, часть отпечатка ботинка. И этот ботинок принадлежит отнюдь не Гроссману.

Пия внимательно рассмотрела тусклое пятно. Могло ли это служить доказательством того, что Гроссман был убит?

Внизу, в вестибюле, Штефан Тейссен вполголоса разговаривал по телефону, облокотившись на стойку, внимательно следя при этом за происходившим на лестнице и стараясь не проявлять своих чувств.

– Шеф! – один из экспертов перегнулся через перила четвертого этажа. – Поднимитесь сюда!

Кристиан Крёгер поднялся на четвертый этаж, держась как можно ближе к стене, чтобы не затоптать следы.

– С телом мы закончили. Можешь распорядиться, чтобы его забрали, – сказал Хеннинг Пии, после чего снял с себя комбинезон и аккуратно свернул его.

– Хорошо. Я распоряжусь, чтобы его доставили к тебе. Потребуется разрешение на вскрытие. Формальность, но без нее никак не обойтись.

– Будем надеяться, что получим его, хотя прокуратура становится все дороже и дороже. – Доктор Кирххоф закрыл свой чемодан и надел пиджак. – Отпуск пошел тебе на пользу. Выглядишь отдохнувшей.

– Спасибо, – сказала Пия, удивленная и в то же время обрадованная этим мимолетным замечанием, прозвучавшим в устах Хеннинга как комплимент. Если бы он им ограничился, это была бы одна из тех редких встреч с бывшим мужем, которые оставляли приятные воспоминания. Однако Хеннинг, проявлявший тонкое чутье только на работе, но отнюдь не в общении с окружающими, тут же испортил это впечатление.

– Очень рад, что ты встретила человека, который даст тебе чуть больше, чем дал я.

Эти слова не вызвали бы у Пии раздражения, если бы они не были произнесены покровительственным тоном.

– Если уж на то пошло, ты мне вообще ничего не предложил, – резко бросила она ему.

– Ну да. Прекрасная квартира, дорогой автомобиль, лошади, знания по криминалистике, из-за которых тебе завидуют многие твои коллеги. – Хеннинг многозначительно посмотрел на нее, подняв брови. – Я не назвал бы это ничем.

– Ты льстишь себе, – прошипела Пия.

Ей тут же вспомнилась шикарная, но совершенно бездушная квартира в старом доме во Франкфурте, в которой она провела столько одиноких часов, когда Хеннинг задерживался на работе, совершенно забывая о ней. Слишком долго терпела она такое отношение к себе, вплоть до того самого дня, когда он, даже не предупредив ее, отправился к месту происшествия на одну из горнолыжных баз в Австрии. Пия собрала вещи и уехала. Характерно, что Хеннинг заметил это лишь спустя две недели. Она больше не желала говорить на эту тему.

В этот момент зазвонил ее мобильный. Это был Крёгер.

– Поднимись в кабинет главы фирмы. Четвертый этаж, последняя дверь налево, – сказал он и выключил телефон.

– Передавай привет Мирьям, – сказала слегка расстроенная Пия и сделала знак Алтунаю, который только что вызвал по телефону автомобиль для перевозки тела, следовать за ней.

Просторный кабинет Тейссена был отделан и обставлен с большим вкусом и произвел на Пию приятное впечатление: паркетный пол, окно от пола до потолка, мебель из темного дерева. Она огляделась и поморщила нос. Запах тлена достиг самого дальнего помещения четвертого этажа. В этом не было ничего удивительного, поскольку дверь в коридор оставалась открытой, и теплый воздух поднимался вверх. Тем не менее ее удивила интенсивность запаха.

– Что случилось? – спросила Пия.

Сидевший за письменным столом Кристиан Крёгер повернулся к ним.

– Взгляните-ка вот на это.

Тошнотворный смрад становился все нестерпимее. В чем дело? Пия, стараясь сделать это как можно более незаметно, понюхала рукав своей тенниски и ощутила запах пота и стирального порошка. Они стояли перед письменным столом. Запах был таким сильным, что ей уже не хватало воздуха. На стеклянной поверхности стола лежал бело-коричневый клубок шерсти. И вдруг ей бросилось в глаза, что на стекле что-то копошится. Присмотревшись, она увидела сотни белых червячков, расползавшихся после сытного обеда в стороны от маленького трупика.

– Мертвый хомяк. – Лицо Кема Алтуная исказила гримаса. – Что это значит?

– Думаю, нам следует задать этот вопрос господину Тейсену, – сказала Пия.

Через две минуты глава «ВиндПро» уже выходил из дверей лифта. Ему явно не нравилась оккупация здания его фирмы, но он ничем не выражал своего недовольства.

– Что случилось? – спросил он.

– Пойдемте, – сказала Пия.

Она пригласила его войти в кабинет и указала на письменный стол. Тейссен увидел мертвого хомяка и отпрянул.

– Вы можете объяснить, что это значит? – спросила Пия.

– Нет. Понятия не имею, – с отвращением выдавил он из себя.

Кирххоф заметила, как нервно дернулось его бледное лицо. В этот момент ее сознание переключилось из холостого режима размеренного отдыха в рабочий режим суровых будней и полностью прояснилось. Вместе с этим пробудились все ее инстинкты и рефлексy. Тейссен прекрасно знал, что означает мертвый хомяк на его письменном столе. Его последние слова были ложью.

После кратковременного наплыва посетителей в магазине вновь воцарилась тишина. Фрауке выполнила первые заказы утра понедельника, продав свирепого эрдельтерьера клиентке по фамилии Кронбергер и двух йоркширских терьеров одной вдове из Йоханнисвальда – они значились в плане на две недели. Рики взяла на себя заботы по обслуживанию клиентов, когда вернулась после доставки заказов. Ника и Фрауке расставляли новые товары на полках. Колокола расположенного неподалеку собора Святой Марии пробили одиннадцать раз, когда в магазин вошел Марк.

– Привет, – сказал он, обращаясь к Фрауке, вынул из уха белый наушник неизменного айпода, лежавшего в кармане его куртки, и остановился возле нее.

Затем он перевел взгляд на Рики, которая прилагала все усилия, чтобы всучить залежалый товар клиенту, который зашел лишь для того, чтобы приобрести ошейник для своего родезийского риджбека. Используя все свое красноречие и обаяние, она убеждала его приобрести роскошный ящик для транспортировки животных, поскольку выяснилось, что он собирается в длительное путешествие в Канаду и хочет взять собаку с собой.

– Рики способна продать все, что угодно, – произнес Марк с улыбкой, и Фрауке согласно кивнула.

Покупатель уже не оказывал сопротивления и улыбался, словно загипнотизированный. Более талантливую и успешную продавщицу трудно было вообразить. Она умела мастерски манипулировать мужчинами. Светлые волосы, заплетенные в две косы, загорелая кожа, глубокое декольте в народном баварском платье, плотно облегающий стройную фигуру корсаж – этой комбинации она была обязана появлением в Кенигштайне и окрестностях настоящего клуба ее поклонников. У нее никогда не было недостатка в добровольных помощниках мужского пола, работавших в ее приюте для животных, и она нежилась в лучах их восхищения.

– Что у вас за проблема? – осведомился Марк.

Фрауке отвела его в офис. Он снял с плеч рюкзак, небрежно бросил его на пол и сел за стол. Фрауке рассказала ему о сбое, который случался каждый раз, когда в базу данных вносили информацию о новом товаре. Марк сел на стул, развалившись и вытянув ноги вперед, вставил в ухо наушник и придвинул к себе клавиатуру. Его голова двигалась, а нога покачивалась в такт музыке. Фрауке наблюдала за ним, стоя рядом. Его салыные волосы цвета темной соломы были зачесаны вперед и то и дело лезли в глаза.

– Что-то не так? – Он поднял голову и окинул Фрауке недовольным взглядом.

– Нет-нет, ты делаешь то, что нужно.

Она улыбнулась, с трудом подавив желание потрепать его по плечу, и вернулась в торговый зал. Рики уже помогала покупателю укладывать большой ящик для транспортировки животных в багажник автомобиля, и спустя минуту вошла в магазин с широкой ухмылкой на лице.

– Ну вот, мы и избавились от этой штуки, – довольно хихикнула она. – Я сделала ему скидку двадцать процентов. Но можно было отдать и бесплатно.

– Поздравляю, – сказала Фрауке. – Теперь я смогу украсить угол.

– Да, наконец-то.

Фрауке обладала настоящим даром оформлять интерьеры. Заметив это, Рики со временем возложила на нее обязанность украшать помещения, за что Фрауке была благодарна ей.

– Девочки, пойдемте, выпьем кофе, – предложила Рики.

Фрауке и Ника последовали за ней в офис. Марк прервал работу, вынул из уха наушник и взглянул на Рики. Угрюмое выражение тут же исчезло с его лица. На какое-то мгновение он даже стал симпатичным.

– Привет, мой самый лучший мужчина. – Рики просияла. – Спасибо, что сразу приехал.

– Никаких проблем, – буркнул Марк смущенно и залился краской.

Фрауке налила кофе в две чашки и одну протянула Рики. Ника обслужила себя сама.

– Скажи-ка, Марк, – поинтересовалась между делом Рики, – у тебя есть еще немного времени? Я должна изготовить новые препятствия для тренировок по аджилити⁴, и мне может понадобиться помощь.

– Я... я еще не совсем закончил с этим, – Марк бросил вопросительный взгляд на Фрауке.

В своем безграничном преклонении перед Рики юноша мог бы босиком дойти до Северного полюса, если бы она его об этом попросила. Фрауке это было хорошо известно. Вне всякого сомнения, знала об этом и Рики. Наслаждалась ли она сознанием того, что обладала такой властью над угрюматым шестнадцатилетним юнцом? Хотя их начальница и производила впечатление уверенной в себе женщины, в глубине души она себя таковой отнюдь не ощущала, и поэтому ей требовались обожатели, не замечающие ее недостатков.

– Компьютер уже работает нормально, – заметила Фрауке.

Марк щурился под своей конской челкой, стараясь выглядеть невозмутимым, но блеск в глазах выдавал его волнение.

– У меня есть время. – Он поднялся со стула и взял с пола рюкзак.

– Отлично, – Рики поставила свою чашку на стол. – Тогда мы можем приступить к работе.

Юноша пошел вслед за ней во двор – так же послушно, как послушно ждали свою хозяйку, лежа у подножия лестницы, золотистый ретривер и самод. Фрауке проводила взглядом этот квартет и покачала головой.

– Господин доктор, – сказал Кем Алтунай. – У меня к вам еще одна просьба. На каждом этаже установлены камеры слежения. Мы можем посмотреть записи?

Штефан Тейссен оторвал взгляд от письменного стола и, поколебавшись несколько секунд, кивнул в знак согласия.

– Да, конечно. Начальник нашей службы безопасности сейчас на улице, возле здания. Он предоставит записи в ваше распоряжение, как только вы его об этом попросите. Может быть, ему можно войти внутрь? И секретарше, чтобы она могла отвечать на телефонные звонки?

– Хорошо, – сказала Пия. – Но все остальные должны оставаться на улице, пока наши коллеги не закончат свою работу.

Она дождалась, когда Тейссен и Кем вышли из комнаты.

– У тебя что-то еще? – спросил ее Крёгер.

⁴ Соревнования, в которых человек направляет собаку через полосу препятствий, пользуясь голосом, жестами и различными сигналами тела, что требует исключительного обучения животного. При прохождении учитываются скорость и точность.

– А что должно быть еще? – спросила Пия в свою очередь. – Разложившегося хомяка на столе главы фирмы тебе недостаточно? – Она улыбнулась, склонив голову набок.

– Ну ладно. Мы нашли на полу, под копировальным аппаратом, лист бумаги. Я не знаю, означает ли это что-нибудь. Может быть, его уронила секретарша, а может быть, и нет.

Пройдя за Крёгером в соседнюю комнату, Пия взяла лист, заключенный в пластиковую оболочку, и быстро пробежала глазами напечатанный на нем текст.

– Страница номер двадцать один экспертного заключения о скорости и направлении ветра, – констатировала она. – Судя по всему, оно составлено по заказу фирмы по производству ветротурбин. Ничего необычного.

– Страница двадцать один из шестидесяти трех, – сказал Кристиан Крёгер. – На твоём месте я попросил бы, чтобы мне показали этот документ целиком. И постарался бы выяснить, когда с него была снята копия.

– Каким это образом?

– После процедуры копирования на пластине копировального аппарата остаются данные. Как на жестком диске компьютера.

– Боже праведный, откуда ты все знаешь?

Кристиан Крёгер славился своей эрудицией. Боденштайну очень хотелось заполучить его в свою команду, но тридцатипятилетний специалист неплохо чувствовал себя в должности начальника криминалистической службы и явно еще не достиг вершины своей карьерной лестницы.

– Могу я продолжить свою работу? – спросил он.

– Разумеется.

Скрестив руки на груди и прислонившись к двери кабинета Тейссена, Пия наблюдала за тем, как двое сотрудников Крёгера в белых комбинезонах ползали по полу, раскладывали в бумажные конверты части тела мертвого хомяка и живых червей и приклеивали ко всем поверхностям полоски фольги, дабы зафиксировать волосы, другие материалы органического происхождения и отпечатки пальцев. В их головах протекал интенсивный мыслительный процесс.

Кто положил мертвого хомяка на письменный стол Тейссена? Судя по степени разложения тела зверька, он принял смерть примерно в одно и то же время с Рольфом Гроссманом. Пия вышла из офиса и медленно прошла по коридору. Что за трагедия разыгралась здесь в ночь с пятницы на субботу?

Ее мобильный телефон издал свой обычный сигнал, на который она его настроила еще в автомобиле. Звонил Кай Остерманн.

– Привет, отпускница, – весело заговорил он. – Как тебе Китай?

– Привет, Кай, – ответила Пия, спускаясь по лестнице. – Супер. Жаль, было слишком мало времени. Кем до тебя дозвонился?

– Да. Я разговаривал с прокурором. Он санкционировал вскрытие.

– Хорошо. Тогда увидимся позже.

Оказавшись в вестибюле, Пия огляделась в поисках своего нового коллеги. Служащие похоронного бюро упаковали тело Гроссмана в специальный мешок, кондиционеры уже работали на полную мощность, и запах разложения уже в значительной степени рассеялся через открытый стеклянный купол. За стойкой приемной сидела полная черноволосая женщина сорока с небольшим лет, с гримасой на лице, которая явственно свидетельствовала о том, насколько неуютно чувствовала она себя на своем рабочем месте. И это вполне понятно, ведь в паре метров отсюда испустил дух Рольф Гроссман, а в кухне искали улики сотрудники криминальной службы, облаченные в белые комбинезоны. Наверняка это был не самый лучший понедельник в ее жизни.

– Вы не знаете, где мой коллега? – спросила у нее Пия.

– В кабинете электронной обработки данных. – Секретарша вымученно улыбнулась, оставаясь совершенно неподвижной. – По коридору, вторая дверь налево.

– Спасибо. – Пия уже было двинулась в указанном направлении, но вдруг остановилась. – Вы ведь знали господина Гроссмана, не так ли?

– Да, естественно.

– Что он был за человек как коллега?

Женщина немного поколебалась с ответом.

– Довольно славный, – ответила она без особой уверенности. – Мы с ним никогда не работали непосредственно вместе. Он находился здесь только по ночам и в выходные.

– Хм...

Пия достала из кармана блокнот. Таня Симич работала в «ВиндПро» с окладом в четыре сотни евро в месяц в течение двух лет и знала каждого из сорока восьми сотрудников фирмы, а также каждого из двадцати двух работников, устанавливающих ветрогенераторы. Поначалу женщина отвечала на вопросы нерешительно, словно чего-то опасаясь, но когда Пия заверила ее, что это просто доверительная беседа, она успокоилась.

– Вы понимали, что у Гроссмана проблемы с алкоголем?

Это Таня Симич понимала. В фирме об этом знали все, поскольку Гроссман и не скрывал своего пристрастия. У него был конфликт с начальником службы безопасности из-за того, что за прошлый месяц он трижды забывал включить систему слежения, а две недели назад ночью ездил к заправочной станции на мотороллере.

– Вероятно, он хотел купить сигареты и алкоголь. – Таня Симич округлила глаза. – Но он забыл ключи от входных дверей. Утром его нашли у заднего входа мертвецки пьяным. А за две недели до этого... – она огляделась, дабы удостовериться, что их никто не подслушивает, и понизила голос, – ...он привел сюда женщину и устроил вечеринку в кабинете шефа.

В общем, Рольф Гроссман отнюдь не пользовался симпатией среди сотрудников «ВиндПро». Он рылся в столах, подслушивал, мочился на автомобили в подземном гараже и делал двусмысленные замечания, уровень приличия которых снижался с ростом степени опьянения. Женщины-сотрудницы старались не встречаться с Гроссманом наедине. Пия внимательно слушала и время от времени делала записи. Эти сведения разительно отличались от того, что рассказывал о своем ночном стороже Тейссен.

– Это была настоящая свинья, – заключила Таня Симич, поморщившись. – Никто не мог понять, почему все это сходило ему с рук.

Кирххоф задумалась. Может быть, за подобной терпимостью Тейссена крылось нечто иное, нежели дружеские чувства и сострадание, в чем он пытался ее уверить? Почему он не сказал ей правду? Пия поблагодарила Таню Симич за предоставленную информацию и отправилась на поиски Кема Алтуная. Рано или поздно она выяснит, почему Тейссен лгал ей.

Внезапно Пия почувствовала внутренний зуд, возникавший у нее каждый раз, когда она сталкивалась с делом, предугадать подлинные масштабы которого не представлялось возможным. Было очевидно лишь одно: это не несчастный случай. Они охотятся на убийцу.

Фрауке Хиртрайтер аккуратно застелила маленький столик скатертью, поставила на него тарелку и выложила на нее из картонной коробки пиццу с пармской ветчиной, сардельки и сыр. Нужно было соблюдать определенный стиль. Конечно, Фрауке могла бы пройти несколько метров по Лимбургерштрассе и пообедать в пиццерии, но ей не хотелось сидеть за столом в одиночестве на публике и привлекать к себе внимание. С радостным предвкушением она созерцала пиццу, этот хрустящий круг с золотисто-желтыми пятнами расплавленного сыра и полосками ветчины. Отрезала кусочек, вонзила в него вилку и уже собиралась поднести его ко рту, как вдруг раздался стук в заднюю дверь. Проклятье! Кто бы это мог быть? Фрауке не терпела, когда ее отрывали от еды. Выругавшись, она поднялась со

стула, вразвалку подошла к двери и повернула ключ в замке. За дверью она увидела мужчину, непринужденно опершегося на перила и обнажившего в широкой усмешке неестественно белые зубы.

– Что тебе нужно? – недружелюбно спросила Фрауке.

– Привет, сестричка. Хорошо же ты меня встречаешь.

Фрауке с недоверием смотрела на младшего брата. Маттиас появлялся у нее в основном когда у него возникала та или иная проблема. Ей это было хорошо известно.

– Я обедаю. Так и быть, заходи.

Она вернулась обратно в офис. Маттиас Хиртрайтер вошел, закрыл за собой дверь и остался стоять на пороге, держа руки в карманах.

– Ты похудела, – сказал он все с той же улыбкой. – Хорошо выглядишь.

Фрауке презрительно хмыкнула и принялась за пиццу.

– Не заговаривай мне зубы, – невнятно произнесла она с набитым ртом. – Мне и без тебя известно, как я выгляжу.

По ее подбородку текли капельки жира. Она небрежно смахнула их тыльной стороной ладони и окинула взглядом брата. Загар, светлый полотняный костюм, рубашка с расстегнутым воротом и светло-коричневые ботинки делали его похожим на денди. Ему не хватало только соломенной шляпы – с ней он выглядел бы пришельцем из двадцатых годов прошлого века.

– Ну, говори же, что тебе нужно. Ты ведь пришел не просто так.

– Хорошо. – Он подошел к столу и сел напротив нее. – Мне сегодня позвонили.

– Так. – Фрауке ела второй кусок пиццы. По ее последним сведениям, фирма брата, производившая системы охранной сигнализации, процветала. Его дети учились в частной школе. Он был членом Лионского клуба, гольф-клуба и многих других престижных обществ и объединений, что обеспечивало ему солидную репутацию и способствовало успешному бизнесу. Его семья проживала на роскошной вилле, и он без всякого стеснения выставлял свое благополучие напоказ.

– Ты, наверное, слышала о фирме, которая собирается создать парк ветрогенераторов в Эльхальтене?

Фрауке кивнула. Тема этого парка постоянно звучала в разговорах Яниса и Рики. Они оба принимали активное участие в деятельности организованного ими общественного инициативного комитета, боровшегося против использования ветротурбин.

– И что с того?

Маттиас взъерошил пальцами свои выгоревшие на солнце волосы, и Фрауке впервые заметила на его моложавом лице морщины.

– Они предложили отцу продать им луг, расположенный неподалеку от его дома, за баснословную сумму. Два миллиона евро!

– Сколько-сколько? – Рука Фрауке с вилок застыла в воздухе, а ее рот открылся.

– Да, ты не ослышалась. Он, естественно, ничего нам не сказал об этом, старый негодяй. И, похоже, не собирается ничего продавать.

– Вот это да! – Фрауке тут же забыла о пицце. Два миллиона евро! – Откуда это тебе известно?

– Типы из этой фирмы попросили меня воздействовать на отца. – На лице Маттиаса появилась грустная улыбка. – Мы с Грегором приехали к нему, чтобы поговорить на эту тему, но он нас попросту прогнал.

– Когда вы узнали о предложении? – В голосе Фрауке прозвучало недоверие.

– Пару недель назад.

– А почему я узнаю об этом только сейчас?

– Видишь ли... Ты с отцом не в таких хороших отношениях... – проямлил Маттиас. – И мы подумали...

– Все понятно! Вы подумали, что обойдетесь без меня и поделите куш между собой. – Она бросила кусок пиццы на тарелку. – Вы оба подлецы!

– Ты не права! – возразил Маттиас Хиртрайтер. – А теперь послушай меня. Дело в том, что руководство «ВиндПро» еще поднимет цену, но только в том случае, если отец согласится продать луг в течение следующих двадцати четырех часов. После этого они подадут в суд иск и начнут процедуру отчуждения.

Фрауке понимала, что это означает.

– Они готовы заплатить *три* миллиона! – Маттиас наклонился вперед и понизил голос. – Это чертовски большие деньги, и я мог бы найти им хорошее применение.

– Послушай-ка. Мне кажется, ты и так купаешься в деньгах. – Фрауке саркастически улыбнулась.

Ее младший брат вскочил на ноги.

– Моя фирма обанкротилась, – признался он в конце концов, отведя глаза в сторону. – У меня нет денег, я неплатежеспособен. Мы потеряем фирму, дом – все, если мне в течение недели не удастся раздобыть пятьсот тысяч евро.

Он отвернулся. Вдруг Фрауке бросилось в глаза, что в нем не осталось ни следа юношеской беззаботности, с которой он шел по жизни, вызывая восхищение окружающих. С лица актера упала маска, и миру явились темные круги под глазами, впалые щеки, сквозившее во взгляде отчаяние.

– Меня могут посадить, – он беспомощно пожал плечами. – Жена грозит уйти от меня, и родной отец не желает мне помочь.

Фрауке прекрасно знала, какое значение для брата и его жены имело общественное мнение. Они были не способны привести свои желания в соответствие со своими возможностями.

– А как дела у Грегора?

– Не многим лучше. – Маттиас встряхнул головой.

Последовала непродолжительная пауза. Фрауке стало немного жаль его, хотя в то же самое время в глубине души она испытала подленькое, достойное презрения чувство злорадства. Ее некогда блистательные, успешные братья оказались – точно так же, как и она когда-то, – в бедственном положении. И если ей удалось выбраться из этого положения, избежав позора, то Грегор и Маттиас теперь отчаянно пытались сохранить видимость бывшего благополучия.

– Что вы собираетесь делать? – спросила наконец она. – Ты же знаешь старика. Если он упрется, его ничем не сдвинешь.

– Он не *имеет права* обделить нас, – произнес Маттиас с горячностью. – Я разговаривал с одним адвокатом. Согласно порядку наследования, нам причитаются мамины доли луга и усадьбы.

– А вот и нет. Они унаследованы на обоюдной основе. Забудь об этом.

– Нет, я об этом не забуду! – распалился Маттиас. – Все поставлено на карту! Я не позволю отцу погубить мою жизнь!

– Ты сам ее погубил.

– Проклятье, как мне не везет! – Маттиас едва сдерживался, чтобы не закричать. – Экономический кризис совершенно разорил нас! У нас число заказов сократилось на шестьдесят процентов, а тут еще обанкротился один из наших самых крупных заказчиков... В результате мы потеряли миллион!

Фрауке смотрела на младшего брата, склонив голову набок.

– Что ты предлагаешь? – спросила она.

– Мы еще раз поговорим с ним, уже втроем. Если он продолжит упрямиться, мы принудим его.

– Как ты собираешься добиться этого?

– Пока не знаю. Как-нибудь. – Маттиас снова засунул руки в карманы брюк. Его взгляд бесцельно блуждал по комнате.

Фрауке вонзила вилку в последний кусок уже остывшей пиццы.

– Когда? – спросила она.

– Представители «ВиндПро» сделали ему новое предложение и установили срок принятия решения до послезавтрашнего утра. Они отправили мне по факсу копию этого документа. Мы поедем к нему завтра вечером. Ты приедешь?

Фрауке засунула кусок пиццы в рот и принялась задумчиво пережевывать его. Если три миллиона разделить на три, получается невероятная сумма. Она вернет наконец долги, и после этого еще останется достаточно денег на безбедную жизнь. Впервые за последние десять лет она сможет позволить себе отпуск. Кроме того, сделает себе пластическую операцию на животе, которую не желает оплачивать больничная касса, и купит хороший автомобиль.

– Хорошо, – с улыбкой сказала Фрауке. – Я приеду. Завтра вечером в усадьбе.

– В здании установлено шесть камер, – рассказывал Кем Алтунай своей коллеге. – По одной на каждом этаже, одна в подземном гараже и одна в вестибюле. Но по неизвестной причине включены были камеры только в подземном гараже и вестибюле.

Они сидели в совещательной комнате К-2, на втором этаже здания Региональной уголовной инспекции в Хофхайме, и ждали, когда смогут просмотреть записи камеры слежения из вестибюля здания фирмы «ВиндПро».

– Время от времени Гроссман скрашивал монотонность своих ночных смен общением с женщинами.

Пия вспомнила слова секретарши: «Буквально на днях он, должно быть, пригласил женщину и устроил вечеринку в кабинете Тейссена». Возможно, он делал это и раньше и поэтому отключал камеры.

– Может быть. – Кем не был убежден в этом.

– Ну вот, готово. – Старший комиссар уголовной полиции нажал несколько клавиш на клавиатуре компьютера. – Смотрите.

Пия и Кем устремили взгляды на экран большого монитора, висевшего на стене, на котором появилось черно-белое изображение обширного фойе.

– Система слежения «ВиндПро» запрограммирована таким образом, что запись осуществляется непрерывно на протяжении семидесяти двух часов, – пояснил Остерманн. – С пленки можно копировать отдельные фрагменты, но если ее не останавливать, запись на нее будет осуществляться в течение этого времени.

– Гроссман заступал на дежурство в 18.00, – сказала Пия Каю. – Перемотай, пожалуйста, на вечер пятницы.

Остерманн кивнул. На экране монитора появились сотрудники фирмы, выходившие из своих кабинетов и направлявшиеся к выходу. К половине шестого большая часть коллектива уже разошлась по домам, и через вестибюль проходили лишь отдельные люди.

В комнату вошла Катрин Фахингер, поставила перед Пией чашку кофе и села рядом с ней.

– Спасибо, – сказала Пия, застигнутая врасплох.

– Не стоит благодарности, – отозвалась Катрин, подмигнув ей.

С уходом Франка Бенке и Андреаса Хассе атмосфера в К-2 значительно улучшилась. Традиционно плохое настроение Бенке и его агрессивность, которая в конечном счете пере-

росла в открытую враждебность в отношении Катрин, превратили работу сотрудников в настоящий ад. Вечно больной Хассе был точно так же невыносим.

– Вот Гроссман, – заметил Кем и показал на стойку приемной в правой части экрана. – Наверное, он вошел через боковую дверь и прошел через кухню.

Запись воспроизводилась в ускоренном режиме. До начала восьмого Рольф Гроссман сидел за стойкой, затем пересек вестибюль, чтобы запереть входную дверь. На экране появились две уборщицы, протиравшие пол. Назад Гроссман так и не прошел. Около девяти часов он коротко переговорил с уборщицами, после чего те скрылись в коридоре, за стеклянным лифтом. В течение двух с половиной часов ничего не происходило. Вспышки, видимые через отверстие двери кухни, позволяли предположить, что Гроссман смотрел телевизор.

– Стоп! – внезапно крикнула Пия. – Там кто-то пришел! Перемотай немного назад.

Кай выполнил просьбу Пии и пустил пленку с нормальной скоростью.

– Тейссен! – взволнованно произнесла Пия. На лице Кема появилось озадаченное выражение. – Он не говорил нам, что еще раз приходил в здание фирмы в пятницу вечером...

Она пристально смотрела на экран монитора. Тейссен появился в кадре слева, то есть со стороны подземного гаража. Он зашел за стойку, бросил взгляд на дверь кухни, но Гроссман оттуда не вышел.

– А у этой записи есть звук? – осведомился Кем.

– Да, но микрофоны этих камер не очень чувствительны, – Кай повернул ручку регулятора. – Слова обычного разговора разобрать невозможно.

– Может быть, он ничего не сказал, а только хотел проверить, спит ли Гроссман? – сказала Пия. – Странно. Я бы на его месте рассердилась, если бы застала своего ночного сторожа в кухне.

Тейссен приблизился к лифту и вошел в кабину. Стеклокапсула бесшумно поднялась вверх, и Тейссен исчез из кадра. Часы показывали 2.54, когда появился Гроссман. Он потянулся, зевнул и поплелся через вестибюль к лестнице.

– На час позже, – констатировал Кем. – Начальник службы безопасности фирмы сказал мне, что он должен был совершать обходы в двенадцать, в два и в четыре часа и регистрировать их в журнале.

Гроссман исчез сначала в левом коридоре, чуть позже в правом. Затем подошел к лестнице. Поднявшись на второй этаж, он оказался за пределами поля видимости камеры. Запись воспроизводилась дальше, ничего не происходило.

– Вы слышали? – Катрин наклонилась вперед. – Вроде был какой-то шум.

Кай перемотал пленку назад и покачал головой, давая понять, что регулятор громкости достиг предела. Но теперь и остальные слышали звуки голоса, затем крик. Часы показывали 3.17. Далее в кадре Гроссман не появлялся.

– Тейссен больше не покидал здание, – размышляла вслух Пия. – И он не хотел, чтобы Гроссман его видел.

– Ты хочешь сказать, это *он* толкнул его с лестницы? – спросил Кем, не отрывая глаз от экрана монитора, картинка на котором оставалась неизменной.

– Вполне возможно.

– Сейчас я поставлю пленку с камеры из подземного гаража, – сказал Кай. Прошло несколько минут, пока он нашел место, которое искал. В 23.26 доктор Штефан Тейссен прошел через подземный гараж. Ничего не происходило вплоть до 2.41, когда прямо перед объективом камеры промелькнула фигура.

– А вот и наш друг хомяк, – прокомментировала Пия.

Кай остановил пленку в том месте, где взломщик был отчетливо виден. Они внимательно рассмотрели застывший кадр. Черная одежда, черная маска с прорезью для глаз, черная сумка через плечо.

– У него на руках латексные перчатки, – заметил Кем. Пия перегнулась через стол, сняла телефонную трубку и нажала несколько кнопок короткого набора номера региональной прокуратуры. Похоже, подозрения Хеннинга имели все основания. Вполне вероятно, что смерть Рольфа Гроссмана наступила не вследствие несчастного случая, а в результате убийства. Загадкой оставалось, как и когда Тейссен и взломщик покинули здание, ибо ни через подземный гараж, ни через вестибюль они не проходили.

– Не могли же они раствориться в воздухе, – Кай Остерманн откинулся на спинку стула и положил руки на затылок.

– Что там нужно было взломщику? Чтобы положить хомяка на письменный стол, ему потребовалось бы несколько секунд.

– Хомяк – это след! – сказал Кем. – Почему он не забрал его с собой после того, как дело было сделано?

Пия бросила на него взгляд. В профиль он напоминал ей актера Эрола Сандера⁵.

– Он все-таки убил человека, – напомнил коллеге Кай. – По всей вероятности, он находился в крайне возбужденном состоянии.

– А зачем ему вообще было убивать Гроссмана? – спросил Кем.

– Возможно, Гроссман узнал его, – предположил Кай. – Завязалась драка, и он мог упасть вниз.

Пия знала, что Остерманн очень интересуется психологическим аспектом ее расследований. В ноябре прошлого года он подал заявление с просьбой о зачислении на специальные учебные курсы, пользовавшиеся в Федеральном ведомстве уголовной полиции большой популярностью, но ему было отказано вследствие острой нехватки кадров в К-2. Кай не афишировал свое разочарование, и она надеялась, что у него еще будет возможность попасть на эти курсы.

Расследования, которые привели к отстранению от должности Хассе и Бенке, коснулись Пии в гораздо большей степени, нежели она того ожидала. О каждом подозреваемом и о большинстве свидетелей, с которыми ей приходилось иметь дело на протяжении ее профессиональной карьеры, она знала больше, чем о людях, с которыми вместе работала и на которых была вынуждена полагаться в опасных ситуациях. Тогда Пия решила изменить такое положение дел. Она вдруг начала говорить о подробностях своей личной жизни, чего прежде никогда не случалось. Судя по всему, Кем Алтунай должен был хорошо вписаться в их команду, и ее беспокоило, найдет ли с новичком общий язык ее шеф, Оливер фон Боденштайн...

Из состояния задумчивости ее вывели вопросительные взгляды коллег.

– Извините, первый день после отпуска, – смущенно произнесла Пия. – О чем идет речь?

– Кто чем будет заниматься? – повторил Кай. Казалось само собой разумеющимся, что руководство расследованием возьмет на себя Пия, поскольку шеф отсутствовал.

– Мы с Кемом поедem в «ВиндПро» и спросим Тейссена, что он делал ночью в своем кабинете, – приняла решение Кирххоф. – Кай, ты еще раз просмотри записи камер слежения. Катрин, выясни все о «ВиндПро» и покойном. Я не верю, что Тейссен взял его на работу исключительно из гуманных соображений.

Все трое безропотно согласились с таким распределением обязанностей. Раньше в таких случаях всегда возникали дискуссии. Франк Бенке всегда выдвигал принципиальные возражения против предложений и распоряжений Пии, вынуждая тем самым остальных членов команды принимать ту или иную сторону. Долгое время Кай – в силу старой дружбы и

⁵ Современный немецкий актер турецкого происхождения.

совместной службы в спецназе – поддерживал Бенке, а Катрин – из принципа – объединялась с Пией. К счастью, эти времена прошли, и Кирххоф испытала облегчение.

– Приступаем к работе, народ, – сказала она и почувствовала, как у нее поднимается настроение. – Встречаемся здесь в четыре часа.

– Да успокойся ты, – сказала Рики, когда Янис в десятый раз в течение минуты взглянул на свои часы. – Они сейчас приедут.

Она, Ника и еще пара человек из общественного инициативного комитета, которых Янис оповестил заранее, пристроились на деревянном заборе, словно перелетные птицы. Марк сидел на траве и обеими руками гладил собак. Животные принимали ласки с блаженным видом, закрыв глаза. Рядом лежали сделанные из картона плакаты с протестными надписями и графиками, автором которых являлся сам Янис. Предметом его особой гордости был логотип в виде стилизованного изображения Таунуса с ветротурбиной, заключенной в красный кружок – наподобие запрещающего знака.

– Они опаздывают уже на десять минут, – раздраженно бросил Янис и остановился, прервав беспрестанное хождение взад и вперед.

Для телевизионщиков время не играло никакой роли – впрочем, для него теперь тоже. Ибо, когда появится Людвиг Хиртрайтер, он уже будет разглагольствовать перед камерой. Янис заранее подготовил речь. Он обязательно использует этот уникальный шанс и расскажет в телеэфире все, что ему удалось выяснить. Это непременно вызовет скандал, о котором напишут все газеты! Дабы Хиртрайтер и Ко не смогли испортить ему интервью, он тайно позвонил редактору «Гессеншау» и договорился с ним о том, что съемка начнется на полтора часа раньше запланированного времени.

Яркое солнце слепило глаза. По голубому небу плыли редкие безобидные облака. Уже три недели природа демонстрировала все свое величие, но Янис не замечал цветущих кустов, распустившихся цветов и сочных изумрудных лугов. Наконец с опозданием в пятнадцать минут на проселочной дороге показался небесно-голубой «комби» Гессенского телевидения. Янис вышел ему навстречу, призывно махая обеими руками. Они могли бы и потопиться! Воронье гнездо Хиртрайтера находилось всего в паре сотен метров отсюда, за рощицей, и если старик в этот момент случайно выглянул бы в окно, то увидел бы автомобиль и меньше чем через двадцать секунд был бы здесь. Едва сдерживая нетерпение, Теодоракис наблюдал, как из салона не спеша вылезает репортер, а за ним – еще мужчина и женщина. Его так и подмывало броситься к автомобилю и вытащить их оттуда.

– Привет! – крикнул репортер с широкой благодушной улыбкой. – Настоящая идиллия! Просто чудо!

Черт бы ее подрал, эту идиллию, подумал Янис. Лучше пошевеливайся.

– Привет. – Его губы искривила улыбка. – Янис Теодоракис. Мы с вами вчера разговаривали по телефону.

Репортер протянул ему руку, затем вразвалку подошел к Рики, Нике и остальным, которые уже спустились с забора, и с ними тоже обменялся церемонным рукопожатием. Его коледи тем временем выгружали из багажника аппаратуру. Репортер достал из кармана блокнот и принялся пространно излагать Янису задуманную им концепцию предстоявшей съемки.

– Да, здорово. – Янис не слушал его, лишь кивал и поглядывал в сторону усадьбы Хиртрайтера. Только бы успеть! От внутреннего напряжения сердце гулко билось в его груди.

Наконец подготовительная фаза закончилась. Женщина-оператор пристроила камеру на плече, звукоинженер надел наушники и подсоединил кабели, репортер взял микрофон с логотипом «HR». Освещенность соответствовала требованиям, звук был нормальным. Янис сделал глубокий вдох и ответил на первый вопрос.

Он говорил об осквернении природы, крупномасштабных вырубках лесонасаждений, тайном уничтожении подлежащих охране животных, которых парк ветрогенераторов лишит ареала обитания. К своему немалому облегчению, он ни разу не сбился, хотя его чрезвычайно раздражало то, что репортер постоянно кивал, улыбаясь, и чуть ли не в зубы совал ему микрофон. Наконец-то, наконец-то прозвучал самый важный для Яниса вопрос, ответом на который он мог поставить жирный крест на деятельности «ВиндПро». И в этот момент он увидел, как по склону холма карабкается старый зеленый джип Людвиг Хиртрайтера. Время было рассчитано идеально.

Майское солнце смеялось с залитого лучами синего неба, воздух звенел от смеха гостей и благоухал ароматом сирени. Тордис была совершенно очаровательной невестой, а Лоренц – образцовым женихом, будто сошедшим со страницы иллюстрированной книги. И, тем не менее, их вид вызывал у Боденштайна неизбывную грусть. Свадьба сына – отнюдь не рядовое событие. Как часто они с Козимой мечтали о том дне, когда их первенец наденет обручальное кольцо!.. Все оказалось не так, как он себе представлял. Ему казалось, что новобрачные праздновали каждый сам по себе. Оливер стоял, опершись на балюстраду, с бокалом в руке, беседовал, смеялся – и между тем чувствовал себя инородным телом среди своих веселившихся родственников. Жизнь остановилась. Его взгляд был обращен в прошлое. Вопреки опасениям, у Козимы хватило здравого смысла явиться без своего русского, и поэтому у Оливера не было причин уходить раньше времени. Они поговорили, но этот разговор, как и все их разговоры в последние месяцы, был коротким, поверхностным и ограничивался практическими вопросами, касавшимися детей.

Ее измена, обрушившаяся ему на голову, подобно снежной лавине, была для него полной неожиданностью. Оливер оказался совершенно выбитым из колеи. Ради другого мужчины Козима разрушила семью. Боденштайн хорошо помнил пережитые им чувства, когда узнал, что больше не устраивает ее – ни как супруг, ни как мужчина. Отныне он годился лишь на роль няньки для Софии. Долгими ночами это мучило его гораздо больше, нежели мысль о том, что в этот момент Козима предается удовольствиям в объятиях мужчины моложе его на пятнадцать лет.

Боденштайн допил содержимое своего бокала и поморщился. Шампанское сделалось совсем теплым.

– Такой прекрасный день, а на тебе лица нет. – Мать Тордис, ветеринарный врач доктор Инка Хансен, протянула ему бокал с только что налитым в него шампанским. – Разве они не замечательная пара?

– Да, конечно. – Оливер принял из ее руки бокал, а пустой поставил на поднос проходившего мимо официанта. – Мы с тобой смотрелись бы не хуже.

Он мог позволить себе так говорить с ней. Они с Инкой выросли вместе, и хотя между ними никогда ничего не было, одно время Оливер думал, что когда-нибудь женится на ней. Однако это было так давно, что уже не имело никакого значения.

– Да. Но жизнь распорядилась иначе. – Она улыбнулась и чокнулась с ним. – И все же мы с тобой породнились, и меня это радует.

Они выпили по глотку, и вдруг ему пришла в голову мысль – интересно, есть ли у Инки друг?

– Хорошо выглядишь, – сказал он.

– А ты – нет, – парировала Инка, всегда отличавшаяся прямоотой.

– Спасибо. Очень любезно с твоей стороны. – Боденштайн через силу улыбнулся.

Они выпили по второму и третьему бокалу шампанского. Козима была на другом конце террасы. До сих пор она не обращала на него особого внимания, но теперь время от времени бросала на них взгляды. Оливер вдруг вспомнил, как она ревновала его к Инке.

Мария-Луиза пригласила гостей к столу, и Боденштайн был рад, что его, как отца жениха, усадили между невестой и ее матерью. Он подвинул Инке стул и рассмеялся ее замечанию. Козима сидела по другую сторону от новобрачных. Когда они случайно встретились взглядами, он улыбнулся ей и тут же повернулся к Инке. У него сразу поднялось настроение и зародилась надежда на то, что душевная рана, которую причинила ему Козима, когда-нибудь затянется.

Пия уступила руль Кему, поскольку ей нужно было сделать несколько звонков. Из соображений экономии полицейские автомобили не были оборудованы переговорными устройствами, и когда она ехала одна, ей приходилось одновременно следить за дорогой и разговаривать по телефону. Порой возникала абсурдная ситуация: ее коллег информировали о разговаривающем по телефону водителе за рулем. Сначала она побеседовала с Крёгером, который сообщил ей, что ни на одной двери здания фирмы «ВиндПро» следы взлома не обнаружены. Либо взломщика впустили, либо у него имелся ключ. Кроме того, с вероятностью, граничащей с уверенностью, можно утверждать, что Гроссман скатился по лестнице с четвертого этажа. В пользу этого свидетельствуют не только и не столько волокна ткани и следы крови на ступеньках лестницы, сколько карманный фонарь Гроссмана, найденный на полу коридора четвертого этажа. Потом она позвонила шефу. Боденштайн тут же ответил, из чего Пия заключила, что церемония бракосочетания уже закончилась. Она вкратце рассказала ему о положении дел.

– К четырем часам он будет в совещательной комнате в К-2, – известила она Кема после завершения разговора.

– У тебя самой все получается очень хорошо, – сказал Алтунай, и в его голосе прозвучали нотки уважения.

– Спасибо. – Она улыбнулась. – Мне до Оливера еще далеко. Он замечательный шеф.

– На меня он тоже произвел хорошее впечатление, – согласился Кем. – Я рад, что меня направили к вам.

– Где ты работал раньше?

– В Оффенбахе. С 2008 года, сначала в С-13, потом в СБ-12, а три года назад перешел в К-2.

Классический путь продвижения по службе: преступления на сексуальной почве, грабежи, убийства. Итак, он достиг высшего уровня – К-2, куда стремятся все сотрудники уголовной полиции.

– Ага, Оффенбах, – Пия подняла брови. – «Киккерс» или «Айнтрахт»?⁶

– Ни то, ни другое, – Кем рассмеялся. – «Гамбург»!⁷

– Ну и ладно. Я не болельщица. – Она с любопытством взглянула на него. – А почему ты уехал из Оффенбаха?

– Мой шеф терпеть меня не мог, – чистосердечно признался Кем. – Ему все время казалось, будто я мечу на его место. Иногда это становилось невыносимым, и когда я узнал, что у вас появилась вакансия, тут же подал заявление о переводе.

– Меня это радует. – Пия улыбнулась. – Нам катастрофически не хватает людей. Кай из-за протеза на происшествии выезжать не может, а втроем нам порой приходится нелегко.

По дороге к зданию «ВиндПро» Пия выяснила о новом коллеге еще кое-что. Кем Алтунай родился и вырос в Рюссельсхайме, в настоящее время жил в Дитценбахе, был женат и имел двоих детей – дочь семи лет и сына девяти лет. Его отец и брат работали на заводе «Опель», но он с детства мечтал служить в полиции.

⁶ «Киккерс» – футбольный клуб города Оффенбаха, «Айнтрахт» – Франкфурта-на-Майне.

⁷ Один из старейших, самых популярных и титулованных немецких футбольных клубов.

Автомобиль перевалил через железнодорожную колею. Они достигли границы промышленной зоны Келькхайма-Мюнстера, и в скором времени Кем свернул на парковочную площадку перед зданием «ВиндПро». На лестнице уборщица оттирала следы крови. Не подходя к стойке приемной, Пия и Кем поднялись на лифте на четвертый этаж и направились к кабинету Тейссена. Пия прошла дальше и открыла стеклянную дверь в конце коридора.

– Пожарная лестница, – констатировала она.

– Сокращение пути, – добавил Кем. – Должно быть, наш взломщик хорошо здесь ориентировался.

– Возможно, он даже является сотрудником фирмы, и тогда Гроссман знал его, – сказала Пия. – Это значительно сузило бы круг подозреваемых.

Она постучала в дверь кабинета Тейссена. Когда они вошли, глава фирмы поднялся из-за своего теперь уже безупречно чистого стола и застегнул пуговицы пиджака. Пия обошлась без излишних церемоний и сразу перешла к делу.

– Мы просмотрели записи камер слежения, – сказала она. – В пятницу ночью вы находились здесь, в здании. Почему вы не сказали нам об этом?

– Разве я не говорил? – Он наморщил лоб. – Вероятно, от волнения забыл упомянуть об этом. Я пробыл здесь недолго, максимум четверть часа.

– Зачем вы приходили?

– Мне понадобились документы, которые я забыл в кабинете.

– Что за документы?

– Контракт. – В голосе Тейссена не слышалось волнения. – На выходные я ездил в Гамбург, где встречался с заказчиком, для которого мы планируем создать парк ветрогенераторов в акватории Северного моря.

– Вы прошли через подземный гараж. Как и когда вы потом покинули здание?

– Я спустился по пожарной лестнице, и еще до полуночи сидел в автомобиле. Я потому это помню, что слушал по радио новости.

– На какой станции?

– FFH⁸. Я всегда ее слушаю. – У Тейссена между бровей пролегла складка. – Какое это имеет значение?

Пия оставила его вопрос без ответа.

– Войдя в вестибюль, вы подошли к стойке приемной и посмотрели на дверь кухни. Позже, вместо того чтобы воспользоваться лифтом, спустились по пожарной лестнице. Почему?

– Почему – что? Я не понимаю...

– Почему вы не хотели, чтобы господин Гроссман видел вас?

– Я просто не хотел будить его.

– Вы не хотели будить своего ночного сторожа! – Пия насмешливо фыркнула. Симпатия, которой она прониклась к Тейссену в начале их знакомства, растаяла, как снег на солнце. – Было бы логично, если вы рассердились бы, обнаружив, что ваш ночной сторож спит на работе.

Судя по всему, Штефану Тейссену эта тема была неприятна, но он не принадлежал к категории людей, которые избегают неприятных тем.

– Понимаю, вам это кажется странным, – сказал он. – Мне было нужно, чтобы Рольф меня не заметил. Я очень спешил и боялся, что он меня задержит.

Такой ответ не удовлетворил Пию, но она ничего не сказала. Поведение Тейссена представлялось ей подозрительным. Она вспомнила слова секретарши, которая сказала, что не

⁸ Информационно-развлекательная радиостанция Гессена.

понимает, почему Гроссману сходили с рук все его дурацкие проделки, пусть даже он и был школьным другом главы фирмы.

– Куда вы отправились отсюда? – спросила Кирххоф.

– Домой.

– И никуда не заезжали?

Во взгляде Тейссена сквозило недоумение.

– Почему вы задаете все эти вопросы?

Это был не ответ, но она еще сегодня проверит его алиби. И если его не окажется, у него возникнет серьезная проблема.

– В ночь с пятницы на субботу погиб ваш ночной сторож, – напомнила она ему. – Кто-то положил на ваш письменный стол мертвого хомяка. Если это сделали не вы сами, значит, в здании находился кто-то еще, возможно, взломщик.

Тейссен скрестил руки на груди и внимательно посмотрел на нее.

– Взломщик? Здесь?

– Да. Должен же был хомяк каким-то образом оказаться на вашем столе. – Пия склонила голову набок. – Или мертвые зверьки на столах у вас в порядке вещей?

Тейссен молча отвел взгляд в сторону, оставив без ответа ее саркастический вопрос. Интересно, что он думал по поводу хомяка?

– Наши коллеги не нашли ни на одной из дверей здания следов взлома. Должно быть, тот, кто находился в здании, имел в своем распоряжении ключ.

На несколько секунд Штефан Тейссен задумался и потом энергично покачал головой.

– Нет, – произнес он с уверенностью. – Этого не может быть. Я знаю каждого, кто имеет ключи от дверей здания. И ни один из них не способен убить человека! Нет, нет, это невозможно.

Пия встретила взглядом с Кемом. Неужели Тейссен не знал, с какой неприязнью относились к его старому другу сотрудники «ВиндПро»? Или он не хотел этого знать?

– Что здесь происходит? – Людвиг Хиртрайтер захлопнул дверцу своего внедорожника и направился через луг к Янису с репортером. – Мы же договорились на 16.30!

Телевизионщики уже собрали аппаратуру и теперь загружали ее в багажник своего «комби». По проселочной дороге ползли несколько автомобилей, оставляя за собой клубы пыли. Вновь прибывшие члены общественного инициативного комитета припарковались у края луга, заросшего одуванчиками, и разворачивали привезенные с собой транспаранты.

– Мне может кто-нибудь объяснить, что все это означает? – Хиртрайтер развел руками и гневно уставился на Яниса. Прежде чем тот успел что-либо ответить, подбежавшая Рики встала между ними и положила ладонь на руку Хиртрайтера.

– Мы не смогли дозвониться до вас по мобильнику. – Она одарила его ласковой улыбкой, перед которой способны устоять лишь очень немногие мужчины. – Совсем недавно интервью было перенесено на более раннее время, и поэтому...

Похоже, Хиртрайтер обладал иммунитетом к обаянию Рики.

– Что за ерунда! – оборвал он женщину на полуслове и стряхнул ее ладонь со своей руки. – Я живу в пяти минутах ходьбы. Тебе всего-то нужно было послать своего маленького прыщавого адъютанта предупредить меня.

Марк пропустил оскорбление в свой адрес мимо ушей. Он стоял чуть в стороне, держа на поводке, для пушей предосторожности, собаку Рики, поскольку она не выносила охотничью собаку Хиртрайтера, сидевшую на заднем сиденье джипа.

– Давайте произведем съемку еще раз, – обратился он к репортеру, который стоял с улыбкой сожаления на лице. Сюжет должен был выйти в эфир сегодня вечером, а до этого отснятый материал нужно было еще обработать и смонтировать.

– Я ведь не знаю, что сказал этот парень! – басил Хиртрайтер. Он показал пальцем на припаркованные автомобили. – Члены нашего комитета только еще подъезжают, мы хотим продемонстрировать, как много людей поддерживают наши усилия. Поэтому в том, что вы сняли, нет никакого смысла.

– Мне действительно очень жаль. – Репортер беспомощно пожал плечами. – Господин Теодоракис попросил перенести съемку на полтора часа раньше. Я не знал, что это не согласовано с другими членами комитета.

– Что ты наделал! – Хиртрайтер расхаживал взад и вперед, потрясая кулаками. – Как тебе пришло это в голову? Собственно говоря, кем ты себя воображаешь?

Огромный, ростом метр девяносто, с обветренным лицом и гривой седых волос до плеч, он производил сильное впечатление, а гнев придавал ему весьма угрожающий вид. Сзади него собралась группа его соратников, которые тоже были отнюдь не в восторге от того, что съемка началась раньше времени.

– Я сказал все, что нужно, – оправдывался Янис. Он стоял, засунув руки в карманы джинсов, и старался не показывать своего удовлетворения. – Не беспокойся.

– *Я беспокоюсь, когда хочу!* – прорычал Хиртрайтер. Его лицо налилось кровью. – Ты никогда ни с кем не советуешься! Я сыт твоими эгоистическими выходками, как и все собравшиеся здесь! Мы десять раз обговаривали время съемки, а ты перенес его по своему усмотрению!

Наблюдая за столь опасным развитием событий, репортер втянул голову в плечи. По его лицу было видно, что он хочет как можно быстрее убраться отсюда, но путь к автомобилю ему преграждали три десятка человек с мрачными лицами.

– Доставайте вашу камеру из багажника и несите опять сюда! – крикнул ему Хиртрайтер.

– У нас нет времени, – мужественно возразил репортер. – Если вы хотите, чтобы этот сюжет вышел сегодня вечером в эфир, нам нужно срочно ехать, чтобы успеть поработать над ним. Репортаж получится классным, обещаю вам.

Хороший аргумент, подумал Янис. Разумеется, Хиртрайтер и все остальные хотели, чтобы репортаж показали в тот же вечер. Это имело большое значение, поскольку через день должно было состояться заседание комитета. В конце концов толпа неохотно расступилась. Репортер поспешил к своему автомобилю и нырнул в салон, где его уже ждали коллеги, успевшие завести двигатель – как при ограблении банка.

– Итак, – обратился Людвиг Хиртрайтер к Янису тоном, не сулившим ничего хорошего. – Мелкий, тщеславный интриган, объясни-ка нам, что ты задумал. Все мы здесь преследуем одну общую цель. У нас демократия, и мы приняли совместное решение. Нельзя допускать, чтобы один постоянно шел наперекор воле всех остальных.

Теодоракис лишь ухмылялся. Он получил в свое распоряжение трибуну и был более чем доволен. Оскорбления Хиртрайтера отскакивали от него, как капли дождя от плаща из водоотталкивающей ткани.

– Что тебе, собственно, нужно? – спросил он. – Я привел цифры, факты и доказательства мошенничества. Без меня вы все еще стояли бы на рынках с плакатами и шумели по поводу вырубки пары деревьев.

– Осторожней, дружище, – злобно проскрежетал Хиртрайтер. – Следи за словами, или я за себя не ручаюсь.

– Людвиг, – заговорила примирительным тоном Рики. – В самом деле, Янис дал прекрасное интервью, ты останешься доволен.

– Придержи язык, ты, глупая гусыня! – Хиртрайтер бросил на нее полный презрения взгляд. – Ты ничего не смыслишь и болтаешь то, что внушил тебе этот парень.

Улыбка застыла на лице Рики. Откровенно уязвленная, она молчала. Янис был взбешен. На каком основании этот старый деспот считает его безмозглым юнцом?

– Вы двое погубили всё своим болезненным тщеславием, – продолжал Хиртрайтер с сарказмом. – Успех нашего дела зависит от понимания, объективности и тонкого чутья. Нельзя только полемизировать и разводить демагогию, нужно еще и соображать.

Резким движением он повернулся и пошел прочь.

– По крайней мере, я говорю то, что знаю, и не утаиваю важную информацию, как ты! – крикнул ему вслед Янис. – Почему ты до сих пор никому не рассказал, сколько денег предложила тебе «ВиндПро» за луг?

Людвиг Хиртрайтер остановился и обернулся. Остальные члены общественного инициативного комитета удивленно переглянулись и заговорили вполголоса.

– Подумать только! – Янис злорадно улыбнулся. – Никакая свинья не поверит, что ты, получив такие деньги, будешь действительно выступать против парка ветротурбин!

– Что ты хочешь этим сказать? – Хиртрайтер пошел на него, словно разъяренный бык, с побагровевшим лицом и сжатыми кулаками.

– Что ты продашься. И именно за...

Он не успел закончить фразу, поскольку Людвиг своей ладонью размером с хорошую сковородку отвесил ему звонкую пощечину. Янис покачнулся и упал, но тут же вскочил на ноги и бросился на Хиртрайтера. На помощь ему пришла Рики, и началась потасовка. Среди присутствующих, растерянно наблюдавших за происходящим, лишь трое сохранили присутствие духа и кинулись разнимать дерущихся.

– Мерзкий негодяй! – ревел взбешенный Людвиг. – Ты все погубил, вместе со своей... бабой!

– Ну, ну, успокойся, – пытался урезонить его один из мужчин, но все было напрасно. Хиртрайтер вырвался и побежал к своему автомобилю. Двое последовали за ним, другие в нерешительности остались на месте.

– Черт бы тебя подрал, – пробормотал Янис, потирая щеку. Потрясенная Рики всхлипывала. Марк подошел к ней с собакой на поводке.

– Никак не могу понять, *что* этот Людвиг имеет против нас. – Она посмотрела на Марка заплаканными глазами. – Мы делаем гораздо больше многих других, а он вечно к нам придирается.

– Не сердись на него, – робко произнес Марк. – Он просто старый, тупой засранец.

По лицу Рики скользнула улыбка.

– Ты прав. – Она вытерла тыльной стороной ладони слезы и решительно расправила плечи. – Старый, тупой засранец. Именно так.

Начальник службы безопасности «ВиндПро», по совместительству пресс-секретарь и руководитель службы маркетинга, оказался чрезвычайно обходительным человеком. Он с готовностью предоставил Пии и Кему план системы защиты здания от несанкционированного проникновения и принес регистрационную папку с расписками сотрудников, подтверждавших получение ими ключей. Ключи от входной двери имелись у Тейссена, его супруги, финансового директора, начальников отделов сбыта, кадров, контроля качества, технического, юридического и проектного отделов, а также у ночного сторожа. И, разумеется, у самого начальника службы безопасности. Итак, двенадцать подозреваемых. Пия пролистала содержимое папки, обращая внимание на имена, затем перевернула закладку и обнаружила другие расписки с более ранними датами.

– Что это такое? – спросила она.

– Это... – Начальник службы безопасности провел ладонью по наголо бритому черепу. – Видите ли, наша система безопасности несколько старомодна. Мы пользуемся

только обычными ключами – никаких электронных замков и карт с чипами. Планируется переоборудование, но пока дело до этого не дошло. Кое-кто из уволившихся сотрудников не сдал свои ключи.

– Вот как? – Пия с удивлением взглянула на него. – И сколько же таких сотрудников? Начальник службы безопасности нервно кашлянул.

– Это было еще до меня.

– Но если все те, чьи расписки все еще находятся в регистрационной папке, имеют в своем распоряжении ключи, значит, всего их восемь...

– Девять, – поправил Пию Кем, который вместе с ней считал расписки с неподвижным лицом, заглядывая ей через плечо.

– Замечательно, – с сарказмом произнесла Пия. – Вы хотите что-нибудь еще сказать нам?

– Да-да... конечно. Я... ах, ну да. Совсем забыл.

Похоже, забывчивость была в этой фирме в порядке вещей. Ночной сторож отправился на заправочную станцию за шнапсом и забыл свой ключ. Тейссен забыл, что он находился в здании в ночь убийства. Начальник службы безопасности забыл сообщить важные факты сотрудникам уголовной полиции.

– У вас есть копировальный аппарат? – спросила Пия, поднявшись со стула.

– Да, вон там, на буфете.

– Давай я все сделаю, – сказал Кем, и она передала ему папку.

Начальник службы безопасности с отрешенным видом теребил свою козлиную бородку и мочки ушей. На лысине блестели капельки пота.

– Расскажите мне о «ВиндПро», – попросила Пия.

– Что именно вы хотите знать?

– Чем занимается фирма, как у вас идут дела.

– Мы проектируем и возводим ветрогенераторы по всей Германии, в Европе и иногда даже за пределами Европы, – не без гордости заявил начальник службы безопасности, войдя в не менее привычную для себя роль пресс-секретаря. – Кроме того, мы осуществляем финансирование либо через посредство крупных инвесторов, либо путем проектного финансирования, с помощью закрытого фонда. Заказчик поручает нам создать парк ветрогенераторов, и мы его создаем: ищем подходящее место, проводим экспертизу, получаем разрешение, проектируем, возводим установки. Во всех областях мы сотрудничаем только с лучшими специалистами и пользуемся в своей отрасли прекрасной репутацией.

«Мы». Начальник службы безопасности и пресс-секретарь в одном лице целиком и полностью отождествлял себя со своим работодателем.

– Как вы думаете, что могло побудить кого-то проникнуть в здание фирмы? – спросила Пия, чем вновь привела его в состояние замешательства.

– Честное слово, даже не представляю, – ответил он, пожав плечами. – Насколько мне известно, крупные суммы денег здесь не хранятся, а наше ноу-хау не представляет особой тайны и вряд ли способно вызывать большой интерес у конкурентов.

– А вы не знаете, не уволился ли кто-нибудь из сотрудников, не сдавших ключи, в результате конфликта? – поинтересовался Кем, оторвавшись от копировального аппарата.

Последовала пауза.

– Про одного знаю точно, что он ушел со скандалом, хотя лично знаком с ним не был. Как раз в прошлом месяце он опять доставил нам массу неприятностей, организовав протесты против парка ветрогенераторов в Таунусе, который в скором времени должен быть там создан. Его зовут Янис Теодоракис. И после увольнения он свой ключ не сдал.

Марк лежал на кровати. Он выключил звук телевизора и рассматривал фотографию Рики на своем мобильном телефоне. Как ему было жалко ее сегодня вечером! Что нашло на старика Хиртрайтера? Отнеся плакаты и транспаранты, они зашли в пиццерию в Кенигштайне вместе с несколькими другими членами общественного инициативного комитета. Разумеется, главной темой были пощечина и два миллиона евро, которые должен был получить Хиртрайтер за свой луг. Янис разговаривал почти исключительно с Никой. Ревновать к ней было глупо, это он понимал, но у него сложилось впечатление, что она чувствует себя чужой в этой семье.

Марк был настолько погружен в свои мысли, что не услышал звука шагов на лестнице. Неожиданно в дверях появился отец. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

– Звонил твой учитель. Ты сегодня опять не был в школе. Почему?

Марк сложил телефон и лежал, не говоря ни слова. Что он должен был говорить? Его предкам было безразлично все, что бы он ни сказал.

– Выключи ящик и смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

Марк выключил телевизор и подчеркнуто медленно сел на кровати. Раньше вспышки отцовского гнева вызывали у него страх, но те времена, когда он был жалким, пугливым обывателем, давно прошли.

– Итак, почему ты постоянно прогуливаешь занятия? Кстати, где ты проводишь время?

Марк пожал плечами, продолжая молчать.

Все-таки странно, что родители начинают реально обращать на тебя внимание только тогда, когда ты занимаешься чем-то запретным. Раньше его хорошие школьные оценки удостаивались лишь их одобрительных кивков. В течение четырех лет, проведенных им в интернате, они звонили ему не чаще двух раз в неделю. Даже в *плохие времена* он был им в тягость и чувствовал это. Они почти не уделяли ему внимания и не занимались им. Теперь же им вдруг взбрело в голову стать заботливыми, образцовыми родителями. Но они задавали все эти глупые вопросы исключительно для проформы, и в действительности он, как и прежде, не вызывал у них ни малейшего интереса. У отца голова была занята только его работой, у матери – антиквариатом, женским клубом и шопингом.

– Я жду какого-нибудь умного ответа, – произнес отец, и в его голосе отчетливо прозвучала угроза. – У тебя ровно тридцать секунд. Потом ты можешь пожалеть о своем молчании.

– А, ну да... И что же ты со мной сделаешь? – Марк поднял голову и спокойно посмотрел отцу в глаза. – Выпорешь? Посадишь под домашний арест? Или выбросишь в окно мой компьютер?

Ему было совершенно все равно, что скажет или сделает отец. Если бы ему было куда деться, он ни за что не остался бы жить здесь. В карманных деньгах он не нуждался, поскольку Рики платила ему за работу в приюте для животных.

– Своим упрямством ты испортишь себе жизнь, – пророческим тоном произнес отец. – Если так будет продолжаться и дальше, ты останешься на второй год. Тебя выгонят из школы. Ты останешься без аттестата. Возможно, сейчас тебя это не волнует, но через пару лет ты поймешь, какую глупость совершил.

И так далее, все в том же духе, словно заезженная пластинка. Как же это действовало на нервы!

– Завтра я пойду в школу, – пробурчал Марк.

У него зарябило в левом глазу. Так происходило всегда, когда он испытывал стресс. Сначала яркие вспышки, затем зигзагообразные линии с пестро окрашенными шариками, которые расширялись до такой степени, что он почти переставал видеть. Одновременно сужалось поле зрения, превращаясь в туннель, и после этого в затылке возникала резкая боль, постепенно смещавшаяся вперед. Иногда это проходило быстро, иногда длилось

несколько дней. Марк зажмурил глаза и принялся массировать основание носа большим и указательным пальцами.

– Что с тобой? – поинтересовался отец. – Марк, что у тебя случилось?

Он почувствовал, как на его плечо легла рука, и тут же раздраженно стряхнул ее резким движением. Любое прикосновение к телу усиливало боль.

– Ничего. Уйди, пожалуйста, – сказал он и открыл глаза, но даже тусклый свет оказался невыносимым.

Послышался звук удалявшихся шагов, захлопнулась дверь. Марк выдвинул ящик ночного столика и нашел ощупью таблетки. Если он принимал их вовремя, они хорошо помогали. Их дала ему Рики. Он проглотил две таблетки, запил их выдохшейся «колой», лег и закрыл глаза. Рики... Как она сейчас?

Ночь опустилась над лесом, словно занавес из темного бархата. Сиял серебристый полумесяц, засверкали первые звезды. Людвиг Хиртрайтер обратил взгляд на запад, где небо все еще было окрашено оранжевым светом. Здесь, у подножия Таунуса, ночи уже давно не были такими темными, как в его детстве. Раскинувшийся неподалеку крупный город, промышленная зона бывшей компании «Хёхст»⁹ и огромный, неумолимый аэропорт превращали своими яркими огнями ночь в день. Хиртрайтер вздохнул и немного поерзал на скамье низкой охотничьей вышки, пока не нашел более или менее удобное положение. Он пощупал винтовку с оптическим прицелом, которая стояла рядом, прислоненная к невысокой стенке. Справа от него уютно устроился Телль, свернувшись в клубок. Сквозь спальный мешок Людвиг ощущал тепло собачьего тела. Слева от него стояли термос с горячим чаем и пластиковый контейнер с бутербродами. Он собирался нести вахту всю ночь, дабы никому из этих бандитов не пришлось в голову тайком огородить участок и утром продолжить вырубку деревьев. Он провел в лесу уже много ночей. После того как два года назад умерла Эльфи, у него не осталось веских причин для того, чтобы непременно ночевать дома.

Эльфи. Людвиг тосковал по ней каждую минуту своей жизни. Он тосковал по их задушевным беседам, по ее мудрым советам, их любви, которую он пронес через все пятьдесят восемь лет их знакомства. Рак подступал к ней дважды, и дважды отступал – но так только казалось. В действительности он проник в лимфатические узлы, спинной мозг и в конце концов поразил весь организм. Каким мужеством она обладала! Стойко, без единой жалобы, переносила болезненные, унижительные процедуры химиотерапии и даже находила в себе силы шутить по поводу выпадавших волос. Она молчала и тогда, когда уже не могла есть из-за отслоения слизистой оболочки рта. Эльфи боролась за свою жизнь, словно львица.

После изнурительного курса лечения она вроде бы пошла на поправку. Во время краткосрочного периода обманчивого улучшения состояния они предприняли последнее путешествие – на ее родину, в Верхнюю Баварию, которую она покинула из-за любви к нему. Они отправились в Карвендель, и, казалось, оба предчувствовали, что это их последняя совместная прогулка. На глаза у Людвига Хиртрайтера навернулись слезы. Спустя всего три недели он похоронил Эльфи. Оба его сына и дочь стояли рядом с ним, но они едва перемолвились, столь глубока была разделявшая их пропасть. Возможно, следовало воспользоваться случаем и помириться с ними, но из-за невыносимой душевной боли ему было не до этого. Теперь мириться было поздно. Слишком много недобрых слов сказали они друг другу, и их уже нельзя было вернуть назад. Людвиг был одинок, и таковым ему суждено было оставаться до конца своих дней.

Он сидел неподвижно и вслушивался в тишину леса. Легкий ветерок шевелил верхушки деревьев. До его слуха доносился слабый шелест листьев. Пахло ясенником и черем-

⁹ Немецкая химическая компания, выпускала химические волокна, пластмассы, лекарства и пр.

шой. Время от времени раздавался крик сыча. Барсучиха вывела своих детенышей на бледную лунную дорожку, пересекавшую поляну. Где-то в подлеске возился красный дикий кабан. Привычные, родные звуки и запахи, бальзам на его душевные раны.

Ему вспомнились события прошедшего вечера. Гнев на Яниса еще не утих. С самого начала этот парень вызывал у него подозрение. Хотя он и сделал многое в пользу общего дела, его мотивы представлялись эгоистичными, а одержимость, отчетливо прослеживавшаяся во всех предпринимавшихся им действиях, казалась просто опасной. Каким образом он узнал о предложении «ВиндПро»? Не поддерживает ли он связи с фирмой, на которую раньше работал? Конечно, ему нужно было самому рассказать о предложении, но он думал, что в этом нет необходимости. Кроме того, Людвиг опасался, что столь невероятная сумма может посеять недоверие и внести раскол в ряды членов комитета. Именно это и произошло сегодня вечером. Хиртрайтер сожалел о том, что прилюдно дал оплеуху Янису. Ему не следовало реагировать так бурно, но от ярости он потерял контроль над собой. И еще эта глупая баба набросилась на него! Он был несправедлив к Рики и понимал это, но ничего не мог с собой поделать. Причина его тайной неприязни к ней заключалась в том, что она предоставила Фрауке не только работу, но и кров. Если бы не Рики, сегодня Фрауке жила бы с ним, в усадьбе...

Телль вздрогнул и тихо зарычал во сне. Хиртрайтер протянул руку и погладил его жесткую шерсть.

– Все они понимают нас неправильно, – тихо произнес он, и Телль поднял уши.

В принципе, Людвиг ничего не имел бы против парка ветрогенераторов, если бы это место подходило для него. Но, как показали результаты двух независимых экспертиз, оно для него не подходило. Деревья вырубili бы в целях извлечения коммерческой выгоды, а лопасти ветротурбин отказались бы вращаться. Хиртрайтер познакомился с разряженными молодчиками из этой фирмы и видел, с каким легкомыслием они распоряжались деньгами, которые, по сути дела, принадлежали налогоплательщикам. За короткое время они подняли цену за Поповский луг до трех миллионов. По иронии судьбы, именно своим нежеланием продавать луг Хиртрайтер мог подрезать крылья ветротурбинам. И он сделает это. Что бы ни думали о нем люди, Тейссен и К° получают Поповский луг только через его труп.

Зевая, Пия засунула в стоявшую в ванной стиральную машину последнюю порцию грязного белья. После сорока часов, проведенных без сна, она чувствовала себя совершенно разбитой, но ее голова продолжала работать в прежнем ритме, не желая успокаиваться. Через приоткрытую дверь спальни она услышала тихий храп Кристофа и позавидовала его способности моментально засыпать в любых условиях и при любых обстоятельствах. Пия аккуратно закрыла дверь ванной, чтобы его не разбудил шум стиральной машины, и вернулась в гостиную, где без звука работал телевизор. Она попыталась смотреть фильм, но одолевавшие ее мысли не позволяли следить за сюжетом.

Штефан Тейссен вызывал очень серьезные подозрения, и поэтому в разговоре с ним Кирххоф умолчала о деталях проникновения в здание неизвестного и гибели Гроссмана, которые ей удалось выяснить. Почему он лгал ей? Неужели он не понимал, что в самом ближайшем будущем она узнает правду? Его алиби было крайне сомнительным, поскольку кроме жены никто не мог подтвердить, что в двадцать минут первого ночи он действительно находился дома...

Пия взяла пульт телевизора и, продолжая зевать, принялась переключать каналы. Неожиданно она застыла в изумлении, увидев на экране знакомые очертания здания фирмы «ВиндПро», и тут же включила звук. Однако в комментариях речь шла не о трупе, а о парке ветрогенераторов, который предполагалось создать неподалеку от Эпштайна. В кадре появился темноволосый мужчина. Он стоял посреди луга, а сзади него тесной группой держались несколько человек с транспарантами.

– Экспертизы в отношении силы и направления ветра были настоящим фарсом, о чем свидетельствуют результаты двух независимых экспертиз, проведенных по нашей инициативе, – говорил мужчина деловитым тоном. – Но это никого не интересует. Как никого не интересует и тот факт, что при осуществлении этого безумного проекта на местности, которая до недавнего времени находилась под защитой природоохранного ведомства, предполагается уничтожить ценные лесонасаждения. Их ничуть не смущает то, что они собираются уничтожить популяцию полевых хомяков, тоже находящихся под защитой природоохранного ведомства, лишь бы получить разрешение на проведение строительных работ...

На экране появилось его имя, и Пия вскочила с дивана, словно укушенная тарантулом. Она бросилась в кухню, отсоединила мобильный телефон от зарядного устройства и набрала номер. Тейссен опять солгал ей! Сгорая от любопытства, Кирххоф вернулась в гостиную, чтобы досмотреть передачу, не дожидаясь, пока шеф на противоположном конце возьмет трубку.

Сентябрь 1997 года

Их первая встреча. Не на прошлой неделе, как ей казалось, а двенадцать лет назад.

Во время празднования годовщины Немецкого геофизического общества ей вручили премию Карла Цепица, присуждаемую молодым ученым за выдающиеся достижения. Одновременно с этим она узнала, что ей предоставлен желанный грант Немецкого федерального фонда охраны окружающей среды. Гордая и безмерно счастливая, она была опьянена этими успехами, которых добилась самостоятельно, без чьего-либо участия.

Все находившиеся среди публики корифеи поднялись со своих мест и сердечно приветствовали ее аплодисментами. Она испытала сказочное чувство. Чуть позже, в баре, к ней вдруг подошел мужчина.

– Вы прямо вся светитесь, – сказал он ей, улыбнувшись несколько надменной улыбкой. – Поздравляю вас с успехом!

Высокомерный идиот, – подумала она, и только после этого внимательно рассмотрела его. Что-то в нем сразу пленило ее. Что именно? Его чуть небрежная, гордая осанка? Глубоко посаженные голубые глаза? Чувственный рот, придававший пикантность его весьма примечательному лицу с выдающимся подбородком? Вообще-то слово «чувственный» отсутствовало в ее лексиконе. Что с ней случилось? Она была ученой, наделенной аналитическим умом, и никогда не проявляла романтических настроений. До сих пор мужчинам в ее жизни отводилось совсем немного места. Любовь с первого взгляда она считала сказками. Но в ту самую секунду, когда их глаза встретились, именно это с ней и произошло. Она почувствовала слабость, и у нее подогнулись колени.

– А вы не хотите защитить диссертацию у нас? – спросил он. – Ваши сегодняшние успехи послужили бы для этого хорошей основой.

– Где это – у вас? – поинтересовалась она с вымученной улыбкой.

– О, извините. Меня зовут Дирк Айзенхут, я работаю в Немецком климатологическом институте.

У нее от изумления открылся рот. Как она могла не узнать его! Он отнесся к этому с юмором.

– Вам придется переехать из Ватерканта. Но вы об этом наверняка не пожалеете. К ней вернулось самообладание.

– Я уже побывала за Полярным кругом, в Швабской Юре¹⁰, и плавала на корабле по Южной Атлантике. Ради интересной работы я поеду куда угодно.

¹⁰ Юра (фр. Jura) – горный массив в Швейцарии и Франции, иногда к нему относят Швабский и Франконский Альб, расположенные на территории Германии. Дал название юрскому периоду.

И, добавила она мысленно, за таким шефом, как ты, я готова отправиться хоть на Луну. Она по уши влюбилась в Дирка Айзенхута меньше чем за десять секунд.

Вторник, 12 мая 2009 года

Кофе был горячим и горьким – то, что надо для поддержания тонуса. От двух кусков сахара, которые он обычно клал в кофе, Боденштайн отказался, поскольку после вчерашнего банкета принял решение сбросить как минимум десять килограммов. Без борьбы он перед ожирением ни за что не капитулирует. Поскольку Оливер отличался ленью, ему было легче сократить рацион питания, нежели бегать по лесу или – хуже того – ходить в один из этих ужасных фитнес-центров. Висевшие над дверью часы показывали половину седьмого, когда его отец вошел в кухню. С тех пор как младший брат Боденштайна, Квентин, взял на себя заботы об усадьбе и конюшне, отцу уже не нужно было задавать корм лошадям по утрам, но он не смог отказаться от привычки подниматься с первыми петухами.

– Кофе? – спросил Боденштайн, и отец утвердительно кивнул. За последние месяцы совместный завтрак стал для них своего рода ритуалом. Поскольку ни один из них не был по натуре болтлив, он носил, по большей части, созерцательный характер и служил хорошим началом новому дню.

– Какие у тебя планы на сегодня? – спросил Оливер скорее из вежливости, нежели из интереса.

– Я должен съездить в Эльхальтен, помочь Людвигу, – ответил отец. – Мы хотим до собрания общественности, которое состоится завтра вечером, воспрепятствовать вырубке деревьев и будем дежурить. Он ночью, я днем.

– Что это за собрание? – удивленно переспросил Боденштайн.

– Мы с твоей матерью вступили в общественный инициативный комитет. Ты наверняка слышал: «Нет ветрякам в Таунусе».

Оливер с завистью смотрел, как отец насыпает три ложки сахара в кофе. На завтрак тот съедал бутерброд с толстым слоем масла и жирного сыра, на обед позволял себе пирог, а за ужином выпивал бутылку вина, и за последние двадцать лет не прибавил ни грамма веса. Это было несправедливо. Разве у пожилых людей не замедлен обмен веществ?

– Тебе следует читать местную прессу, а не только полицейские отчеты. – Старый граф усмехнулся.

– Да я читаю, – сказал главный комиссар. Он взял ломтик черного хлеба, тонко намазал его домашним сыром и, вонзив в него зубы, почувствовал себя настоящим героем.

– Завтра вечером в городе Эпштайн, в концертном зале «Даттенбаххалле», состоится собрание общественности. Приглашаются все желающие. – Отец кивнул в сторону висевшей на стене доски для ключей: – Видишь желтый листок бумаги? Это приглашение. Будут присутствовать представители министерства охраны окружающей среды и фирмы, которая собирается создавать парк ветрогенераторов. Ну и, естественно, мы, члены комитета.

– И вы всерьез рассчитываете помешать созданию парка? – спросил Боденштайн. Он поднялся со стула, снял с гвоздика листок и пробежал его глазами без особого интереса.

– У нас есть проверенные сведения, что выдача разрешения на строительство была осуществлена с нарушением закона. Эта фирма – лидер в своей отрасли. Они уродуют своими чудовищными установками ландшафты по всему миру – например, на средиземноморском побережье Испании.

– Понятно. Теперь они намереваются изуродовать прекрасный Таунус в районе Эльхальтена. – Оливер нашел новое увлечение отца забавным. Тот всегда был большим оригиналом. По всей вероятности, в этот комитет его заманил старый друг Людвиг. Как-никак: его отец был графом, а это весьма солидная вывеска для любого общественного движения.

– Помимо того, что ветротурбины изуродуют местность, на этом месте они будут совершенно бесполезны. Это подтвердили результаты нескольких экспертиз.

– А зачем фирме нужно возводить нерентабельный объект? – Боденштайн проглотил последний кусок черного хлеба. Его мысли вернулись к вчерашнему свадебному банкету, с которого он ушел после звонка Пии.

– Ради денег, зачем же еще?

– Каким это образом? – изумился Боденштайн.

– Создав парк, они заработают хорошие деньги. Город, округ, земля, государство привлекают налоговые отчисления, «ВиндПро» учредит фонд финансирования и...

– Прошу прощения, – перебил Боденштайн отца. – Кто учредит фонд?

– Фирма, которая собирается создавать парк. Она называется «ВиндПро» и базируется в Келькхайме.

– Вот это совпадение!

– Что за совпадение? – Граф Боденштайн в недоумении наморщил лоб.

– Вчера мы... – начал было Оливер и тут же осекся.

Ему пришло в голову, что отец принадлежит к широкому кругу подозреваемых. Мертвый хомяк на столе главы «ВиндПро» явственно указывал на причастность к преступлению противников парка ветрогенераторов. Вчера поздно вечером ему позвонила Пия и рассказала о передаче, посвященной протестам против планов создания в Таунусе парка ветрогенераторов, которую она только что увидела по телевизору. По словам представителя общественного инициативного комитета, в результате создания парка будет уничтожена находящаяся под защитой популяция полевых хомяков.

– Ты знаешь человека, который вчера дал интервью телевидению? – спросил Оливер.

– Разумеется. Это был Янис. А почему ты спрашиваешь?

– Просто так. Я вчера случайно увидел этот репортаж. – Это было не совсем так, но он не хотел пробуждать у отца какие-либо подозрения. – А какое отношение к этому имеет твой друг Людвиг?

– Он и основал комитет, – ответил граф Боденштайн. – И теперь от него зависит все, поскольку ему принадлежит луг, на котором планируется создать парк. «ВиндПро» предложила ему огромную сумму, но он отклонил предложение. По географическим соображениям никакое другое место для этого строительства не подходит.

На морщинистом лице графа мелькнула мрачная усмешка.

– Завтра вечером нам придется нелегко! – Он бросил взгляд на настенные часы и встал со стула. – Мне уже пора. Я обещал Людвигу, что приеду в семь часов.

– Папа, – сказал Боденштайн, – вчера в здании фирмы «ВиндПро» обнаружили труп.

Старый граф застыл на месте. Выражение его лица не изменилось, но в глазах сверкнули огоньки.

– В самом деле? Случайно, не Тейссена?

– Это не шутка, папа. По всей вероятности, человек убит, и есть свидетельства... – Он запнулся и после секундного размышления решил сказать правду. – Надеюсь, это останется между нами. Есть свидетельства того, что преступник принадлежит к противникам парка.

– Это ерунда, Оливер. Все мы добропорядочные граждане, а не убийцы. Я должен идти, увидимся вечером.

Он вышел из кухни. Боденштайн-младший сложил желтый листок пополам и сунул в карман. Судя по всему, отец относился к этой деятельности вполне серьезно. Возможно, она внушала ему иллюзию нужности, востребованности. Оливер ничего не имел бы против подобного увлечения, если бы в рядах противников создания парка ветрогенераторов не было людей, для которых человеческая жизнь не представляла никакой ценности.

– Ты не посмеешь! – Государственный секретарь гессенского министерства охраны окружающей среды смотрел на Яниса, кипя от злости. – Ты торжественно обещал мне, что мое имя упоминаться не будет!

– Мне очень жаль, Ахим, – произнес Янис без тени сожаления на лице. – Но ничего не поделаешь. Мне нужно каким-то образом подтвердить достоверность информации, иначе они исказят смысл моих слов.

У Ахима Вальдхаузена судорожно дернулся кадык. Они сидели в его неприметном серебристом «Фольксвагене», стоявшем на парковочной площадке перед зданием ресторана в Меденбахе на трассе А3. Эта площадка стала традиционным местом их конспиративных встреч. Мимо них проносились автомобили, направлявшиеся к Висбаденер Кройц¹¹.

– Я хотел сказать тебе это лишь в том случае, если ты собираешься завтра прийти на собрание. – Янис взялся за ручку дверцы, но Вальдхаузен схватил его за руку и удержал.

– Янис, пожалуйста, не нужно делать этого. – В его голосе прозвучала мольба. – Если всплывет мое имя, я потеряю работу. У меня жена, трое детей, три года назад мы построили дом! Я сообщил тебе эту информацию только потому, что мы с тобой старые друзья. Я был уверен, что ее источник останется анонимным!

В его глазах мелькнул ужас. Янис взглянул на него и подумал: почему этот человек так расположен к нему и даже называет его другом? Он с отвращением смотрел на покрытое каплями пота лицо, толстые, словно сардельки, пальцы, вцепившиеся в его предплечье.

Янис и Ахим когда-то были коллегами и работали в министерстве охраны окружающей среды, в отделе возобновляемых энергетических ресурсов. Но если Теодоракис предпочел надежной карьере государственного служащего более живую и интересную работу в частном секторе, то Ахим остался в министерстве и со временем, используя ошибки и просчеты других, занял довольно высокую должность.

– Послушай, Ахим, – сказал Янис. – Ты тогда рассказал мне все это потому, что был рассержен. Я тебя об этом не просил. Ты ведь хотел вытащить это грязное белье на свет, а теперь поджимаешь хвост.

Вальдхаузен имел зуб на своего тогдашнего начальника, который беззастенчиво брал взятки, а потом перешел с государственной службы на хорошо оплачиваемую должность в энергетическом предприятии. Теперь, когда он сам стал государственным секретарем, этот жалкий трус испугался, что его карьера может пойти под откос. Но Ахим Вальдхаузен был слеплен из крутого теста, чего нельзя было предположить, глядя на его женственные черты. Он все сильнее сжимал руку Теодоракиса. Его рыхлое лицо придвинулось так близко, что Янис различал каждую пору.

– Теперь ты пришел ко мне отнюдь не ради достижения возвышенных целей, – хрипло прошептал он. – Тобой движет мелкая, дешевая мстительность, стремление потешить свое уязвленное самолюбие, и при этом ты используешь других людей. Я предоставил тебе всю информацию при условии молчания о ее источнике. И если ты нарушишь это условие, я буду все отрицать, и никто тебе не поверит. У тебя нет ни единого доказательства, что ты действительно узнал это от меня.

– Ты угрожаешь мне? – Янис вырвал руку.

– Если желаешь знать, – холодно произнес Вальдхаузен, – да.

Они молча смотрели друг другу в глаза. Восемь лет работы бок о бок, совместные отпуска, вечера с барбекю – все было забыто. Они сражались с открытыми забралами.

– У меня *есть* доказательства, – сказал Янис после некоторой паузы. – Ты поступал весьма легкомысленно, посылая мне сообщения по электронной почте.

– Ты действительно грязная свинья, – с ненавистью прошипел Ахим Вальдхаузен. – Предупреждаю тебя, если ты публично назовешь мое имя, то пожалеешь об этом. Горько пожалеешь. Это я тебе твердо обещаю. А теперь вали отсюда! Вон!

¹¹ Транспортная развязка, перекресток трасс А66 и А3.

Пия вновь недооценила плотность автомобильного движения в центре Франкфурта и подъехала к зданию Института судебной медицины на пятнадцать минут позже, чем планировала. На обочинах не было ни единого свободного места. По всей видимости, сегодня многие студенты решили отправиться на занятия не на традиционных велосипедах и трамвае, а на автомобилях. Кирххоф смогла припарковаться лишь дальше, на Пауль-Эрлихштрассе, после чего побежала со всех ног, чтобы успеть к началу вскрытия. Хеннинг не терпел опозданий, и у нее не было никакого желания испытывать на себе его приступы раздражения. Она протиснулась сквозь группу студентов-правоведов, стоявших у входа, коротко бросила секретарше профессора Кронлаге: «Доброе утро!» и поспешила по коридору с паркетным полом к лестнице, спускавшейся в подвал. Ровно в восемь Пия переступила порог секционного зала 1.

Обнаженный и вымытый труп Рольфа Гроссмана лежал на металлическом столе. Стоявшая рядом ассистентка Хеннинга Ронни Бёме поприветствовала Пию. Интенсивный запах разложения был невыносимым, но Пия знала, что через пару минут привыкнет к нему. В период их брака с Хеннингом она провела в этом подвале множество часов – и в выходные, и ночами, – наблюдая за тем, как он распиливает головы, исследует внутренние органы, выкабливает из-под ногтей вещество на предмет наличия в нем возможных следов ДНК, анализирует костные останки. Зачастую Пие, когда она хотела увидеться с мужем, не оставалось ничего иного, кроме как идти в институт. Его отношение к работе граничило с одержимостью, и недаром в двадцать восемь лет он уже получил докторскую степень, а на сегодняшний день его авторству принадлежали шесть книг и двести статей в специальных журналах. Пия знала каждое их слово, поскольку ей выпала сомнительная честь перепечатывать начисто его черновые материалы – сначала на пишущей машинке, затем на компьютере, – поскольку ни одной секретарше не удавалось разобрать каракули Хеннинга.

– А-а, вот и ты, – сказал он, увидев ее. – Доброе утро.

– Доброе утро. – Пия сделала два шага в сторону, пропуская его. – Где прокурор?

– Господин Хайденфельдер якобы застрял в пробке. И так каждый раз. Но мы его ждать не будем. У меня в десять часов лекция.

Он начал с наружного осмотра тела, произнося комментарии в микрофон, висевший у него на шее. Пия повернулась к доске с рентгеновскими снимками. За свою профессиональную карьеру она видела их уже вполне достаточно для того, чтобы научиться распознавать с первого взгляда перелом кости. При падении с лестницы Рольф Гроссман сломал грудину, правую ключицу, правую кость таза, правое плечо и ребра с левой стороны, со второго по седьмое. Все эти травмы не угрожали жизни, как и ушиб затылка.

– Впрочем, – сказал Хеннинг, – на момент падения он находился в состоянии сильного опьянения. Как показал тест, в его крови содержалось 1,7 промилле алкоголя. Есть еще кое-что, что должно тебя заинтересовать. На теле погибшего найдены следы волокон ткани, которые в данный момент исследуются в лаборатории. Если нам повезет, на рваной перчатке обнаружатся отпечатки пальцев или чешуйки кожи, которые можно будет подвергнуть анализу ДНК.

Это звучало многообещающе.

Хеннинг и Ронни составляли идеальную, сыгранную команду. Они работали быстро и эффективно. Строго следуя протоколу, доктор Кирххоф сделал скальпелем точный разрез на коже головы и отвернул ее лоскут. С помощью вибрационной пилы вскрыл крышку черепной коробки, сделав круговой разрез, и снял ее.

Что происходило с Гроссманом, когда он падал с лестницы? О чем думал в течение тех нескольких секунд, когда понял, что его ожидает неминуемая смерть? Что чувствовал, умирая? Испытывал ли он боль?

По спине Пии побежали мурашки.

Проклятье, подумала она, черт подери, что за идиотские мысли? Обычно для нее не составляло труда соблюдать разумную дистанцию с тем, с чем ей приходилось сталкиваться на работе. Почему сейчас у нее это не получалось?

– Ого, – неожиданно произнес Хеннинг.

– Что такое? – спросила Пия.

– Он все равно не прожил бы долго. – Хеннинг взвесил сердце покойника на ладони и внимательно рассмотрел его. – Большое увеличение левой части и рубцы. – Он бросил сердце в металлический тазик. – А вот и причина сильного внутреннего кровотечения. Разрыв *Aorta descendens*.

– Наверное, он сильно ударился грудью, – предположила Пия. Преодолевая приступы тошноты, она старалась сосредоточиться на процедуре вскрытия, на голых фактах, которые бесстрастно констатировал Хеннинг, но тщетно. Ей с трудом удавалось сдерживать стремившиеся вверх по пищеводу остатки тостов с «Нутеллой», смешанных с желудочным соком.

Голос Хеннинга доносился до нее словно откуда-то издалека.

– Нет, думаю, дело не в этом. У него произошел инфаркт, и он упал с лестницы. Удары пришлись на правую часть тела. Об этом свидетельствуют переломы и кровоподтеки. Но потом, по всей вероятности, кто-то пытался реанимировать его. Переломы левых ребер и грудины, а также синяки на коже – типичные повреждения, сопутствующие процедуре реанимации, а в данном случае она привела еще и к разрыву аорты...

У Пии неожиданно подкосились ноги, и когда Хеннинг извлек из вскрытой брюшной полости печень, она, шатаясь из стороны в сторону, выбежала в коридор, дернула дверь туалетной комнаты и в последний момент успела к унитазу. Ее вырвало, и, откашлявшись, она безвольно опустилась на холодный пол. Слезы смешивались на лице с каплями холодного пота. Тело била крупная дрожь. У нее не было сил, чтобы подняться.

Кто-то наклонился над ней и спустил в унитазе воду. Пия сидела, привалившись к выложенной белой керамической плиткой стене и прикрыв ладонью рот.

– Что с тобой? – Хеннинг сидел перед ней на корточках и смотрел на нее с изумлением и озабоченностью.

– Я... я не знаю, – прошептала Пия. Ничего подобного с ней прежде не случалось. Ей было стыдно, и в то же время она испытывала облегчение по поводу того, что свидетелями ее позора стали только Хеннинг и Ронни, а не прокурор, который наверняка не стал бы держать язык за зубами.

– Ну, давай, поднимайся. – Хеннинг стянул перчатки, взял Пию под мышки и поставил на ноги. Она прислонилась к стене и улыбнулась подрагивавшими губами.

– Все в порядке. Спасибо. Не знаю, что со мной произошло.

– Тебе не стоит оставаться здесь, – сказал Хеннинг. – Мы скоро закончим. Чуть позже я пришлю тебе отчет.

– Ерунда, – возразила Пия. – Я чувствую себя уже вполне нормально.

Она подошла к раковине, включила холодную воду, подставила под струю сложенные вместе ладони, тщательно промыла лицо и вытерла его носовым платком. Неожиданно она поймала в зеркале взгляд улыбающегося Хеннинга.

– Ты смеешься надо мной, – произнесла Пия с обидой и раздражением. – Это просто подло.

– Нет-нет, что ты, я вовсе не смеюсь над тобой. – Он покачал головой. – Я просто подумал: моя Пия не изменяет себе. Любая другая женщина в первую очередь думала бы о своем макияже, а ты плещешь себе водой в лицо и ничего не боишься.

– Во-первых, я больше не *твоя* Пия, во-вторых, у меня нет макияжа. – Она повернулась к бывшему мужу. – И, в-третьих, я не хочу расхаживать со следами блевотины вокруг рта.

Улыбка сползла с лица Хеннинга. Он прикоснулся ладонью к ее щеке.

– Ты холодная, как лед.

– Вероятно, в подвале у меня замедлилось кровообращение. – Пия злилась на себя за свою слабость, за то, что потеряла контроль над собой. Хеннинг, сочувственно смотревший на нее, протянул руку и убрал с ее лба пряди волос. Пия отпрянула назад. Она не нуждалась в сочувствии, тем более со стороны бывшего мужа.

– Прекрати! – фыркнула она.

Хеннинг отдернул руку.

– Ну ладно, нужно продолжать работу, – сказал он. – Пошли, если ты действительно чувствуешь себя нормально.

– Да, конечно.

Пия дождалась, когда Хеннинг выйдет из туалетной комнаты, и посмотрелась в зеркало. Несмотря на загар, ее лицо выглядело бледным и болезненным. Она двадцать лет служила в полиции, из них десять в К-2, и наблюдала зрелища похуже, нежели труп Гроссмана. Почему обычная процедура вскрытия вызвала у нее такую реакцию? Никто не мог предположить, что это так на нее подействует, иначе ее, наверное, направили бы в службу психологической помощи!

– Возьми себя в руки, Пия, – произнесла она вслух, обращаясь к своему отражению в зеркале, затем повернулась, вышла в коридор и направилась обратно в секционный зал.

Он стоял на углу улицы, за высокой лавровишней, и терпеливо ждал, когда ее автомобиль выедет из ворот и повернет налево, в сторону города. Постояв для перестраховки еще пару минут, завел мотороллер и поехал домой. У него было не так много времени. Она ехала явно не в офис и не в город, о чем можно было судить по ее неформальному облачению. Возможно, отправилась за покупками и на строительный рынок, что делала почти ежедневно. Марк заглушил мотор, поставил мотороллер, взбежал вверх по лестнице и открыл дверь дома. Проходя мимо, он небрежно повесил свой шлем на крючок антикварной вешалки, которую она нашла в одном старом доме под снос и заботливо обновила в своей мастерской. К радости матери, на ней имелась толстая царапина. Реставрация старой мебели была ее последней страстью. Она просто помешалась на изъеденных червями ветхих предметах и относилась к ним как к живым существам. Больной человек. Но в глубине души он был рад этому, поскольку с тех пор, как мать стала возиться с этим деревянным хламом, она больше не приставала к нему по поводу школы. Дверь ее рабочего кабинета была открыта, и он сразу увидел, что лэптоп отсутствует.

Марк спустился по лестнице в подвал и вошел в мастерскую. Резкие запахи скипидара, льняного масла и шлифовального лака вынудили его зажать нос. Он зажег свет и огляделся. Все полки были завалены банками, коробками, кистями, рулонами наждачной бумаги и прочим барахлом, которое требовалось ей для работы. У матери имелся даже сварочный аппарат, с помощью которого она обрабатывала новую фурнитуру, когда старая оказывалась слишком изношенной. Но куда же, черт возьми, делся ноутбук? Марк осторожно прошел по комнате, стараясь ничего не опрокинуть. А-а, вот и он. Лэптоп лежал на стуле под стопкой каталогов. Марк положил каталоги на пол, опустился перед стулом на колени и открыл крышку компьютера. Пароль был простым, мать никогда не меняла его. Он привычно зашел на нужный сервер, спустя некоторое время открыл электронную почту отца и прокрутил список вниз, пока не нашел отправителя, которого искал. Марк работал сосредоточенно, отмечая все сообщения. Затем удалил их из папки «Отправлено», дабы у отца не возникло подозрений, и, кликнув мышью, очистил мусорную корзину. Он не смог преодолеть соблазн и проверил также электронную почту матери. Среди последних сообщений обнаружил послание от его преподавательницы немецкого языка, этой тупой коровы, которую беспокоили его прогулы.

– Черт бы тебя подрал, – пробормотал он и отправил сообщение в корзину.

Дело было сделано. Все оказалось легче, чем он предполагал. Марк закрыл крышку ноутбука, положил на него стопку каталогов и вышел из мастерской, стараясь не оставить никаких следов своего пребывания. Половина десятого. Если он поторопится, то доберется до школы к началу третьего урока.

Кай Остерманн выудил в Интернете всю информацию, касавшуюся общественного инициативного комитета «Нет ветрякам в Таунусе». Сайт комитета отличался такой оперативностью, что на нем уже имелась ссылка на вчерашний репортаж телеканала «Гессеншау». Остерманн запустил его на большом мониторе в совещательной комнате К-2.

– Это Янис Теодоракис, – пояснил Остерманн, когда на экране появился темноволосый мужчина. – Представитель общественного инициативного комитета и создатель его сайта.

– Кроме того, бывший сотрудник «ВиндПро», – добавил Кем Алтунай. – Теодоракис ушел из фирмы со скандалом и до сих пор создает ей проблемы. К тому же он не сдал ключ от двери главного входа. К сожалению, пока мне не удалось выяснить его нынешнее местожительство. Официальным председателем комитета является некий Людвиг Хиртрайтер из Эпштайна-Эльхальтена.

Боденштайн, сидевший во главе длинного стола, задумчиво кивал головой. Он вспомнил о желтом листке, лежавшем в кармане его пиджака, достал его и положил на стол, заявив:

– Мой отец тоже принадлежит к числу противников парка. Людвиг Хиртрайтер – его старейший и лучший друг.

– Так это же классно! – воскликнул восторженно Остерманн. – Значит, у нас есть информатор в этом комитете.

– Забудьте об этом, – сказал Боденштайн. – Как это ни прискорбно, но мой отец ни за что не согласится сотрудничать с нами.

Открылась дверь, и в комнату вошла Пия.

– Доброе утро! – Она улыбнулась и заняла свое место, сев слева от шефа. – Я что-то пропустила?

Оливер явственно ощутил запах тлена, въевшийся в ее одежду и волосы, подобно запаху табачного дыма.

– Доброе утро, – ответил он ей дружелюбным тоном. – Нет, ничего особенного. Я только сказал, что мой отец принимает участие в деятельности этого комитета, протестующего против парка ветрогенераторов.

– В самом деле? – Пия улыбнулась. – Не могу представить твоего отца на демонстрации с плакатом в руках.

– Честно говоря, и я тоже, – сказал Боденштайн. – К сожалению, в качестве информатора он не годится в силу своего хронического упрямства.

– Вы хотите продолжить совещание, или, может быть, я вкратце расскажу о результатах вскрытия?

– Пожалуйста, рассказывай, – кивнул Оливер.

Пия открыла сумку и вынула из нее блокнот.

– Итак, судя по всему, Рольф Гроссман не был убит. – Она завернула рукава своей белой блузки, продемонстрировав завидный загар рук. – Это не убийство.

– Этого не может быть, – сказал Кем Алтунай. – А как насчет отпечатка подошвы ботинка и обрывка латексной перчатки?

– Вскрытие, разумеется, не может дать ответ на вопрос, что произошло в действительности, – ответила Пия. – Хеннинг предполагает, что у Гроссмана случился инфаркт, после чего он упал с лестницы. Но точно пока еще не известно.

Она обвела взглядом коллег, вопросительно смотревших на нее.

– Похоже, кто-то пытался реанимировать Гроссмана. Об этом свидетельствуют переломы костей груди и ребер и синяки на коже. Либо в результате падения, либо вследствие процедуры реанимации у него произошел разрыв аорты, вызвавший внутреннее кровотечение.

– Но лестница была залита кровью, – возразила Катрин Фахингер.

– У Гроссмана шла носом кровь – возможно, от сильного волнения. Он имел проблемы с сердцем и принимал лекарства, разжижающие кровь. В силу этого носовое кровотечение могло быть очень сильным. Кроме того, у него ушиб затылка.

Последовала короткая пауза.

– Это должно означать, что взломщик напугал его до смерти, но потом пытался спасти ему жизнь, – задумчиво произнес Боденштайн.

– Совершенно верно, – Пия согласно кивнула. – Спереди на одежде Гроссмана обнаружены многочисленные следы волокон ткани. Кто-то, должно быть, сидел на нем и делал массаж сердца. К сожалению, безуспешно. Но вдобавок к отпечатку подошвы ботинка и оторванным пальцам латексной перчатки, мы имеем, по меньшей мере, два следа.

– У нас бывало следов и поменьше, – с оптимизмом произнес Остерманн. – К счастью, этот парень обладает хорошим вкусом в отношении обуви, и у нас имеются данные его анализа ДНК.

– Сегодня к полудню будет готов предварительный отчет о вскрытии. Да, кстати, в момент смерти Гроссман был изрядно пьян. В его крови было 1,7 промилле спирта.

– Строго говоря, это уже не наша забота, или нет? – спросил Остерманн, обведя взглядом присутствующих. – Было совершено проникновение со взломом, и если в «ВиндПро» не желают продолжать расследование в этом направлении, это их дело.

– Погиб человек, – возразила Пия. – И мы вообще не смогли до сих пор восстановить ход событий. Вполне возможно, взломщик столкнул его с лестницы, а затем, в приступе раскаяния, попытался спасти ему жизнь. Это означало бы, что он не был профессионалом.

– Расследование будет продолжаться до тех пор, пока мы не сможем с уверенностью исключить убийство, – резюмировал Боденштайн.

После этого на повестку дня встали общественный инициативный комитет и Янис Теодоракис.

– Упоминание о подвергающихся уничтожению хомяках – совершенно очевидный след, – убежденно заявила Катрин. – Это не может быть простым совпадением!

– Даже слишком очевидный, – сказала Пия. – Я полночи размышляла об этом. Если бы я положила на стол главы фирмы, намеревающейся создать парк ветрогенераторов, мертвого хомяка, а рядом еще оставила покойника, то вряд ли стала бы говорить в телевизионном репортаже о хомяках.

– Да, действительно, – согласился Кем.

– Мне внушает подозрение Тейссен, – продолжала Пия. – Он несколько раз солгал нам, а его алиби подтверждает только супруга, с которой ему было бы нетрудно договориться.

– А какова ситуация с обществами охраны окружающей среды в регионе? – поинтересовался Боденштайн. – Как они относятся к уничтожению хомяков и вырубке лесов?

– Я просмотрел сайты региональных групп «НаБУ», «БУНД» и Немецкого общества охраны лесов, – сообщил Кай Остерманн. – И должен вам сказать, что ни на одном из них нет ни единого упоминания о планируемом создании парка ветрогенераторов.

– Общества охраны окружающей среды вряд ли стали бы возражать против возобновляемых энергетических ресурсов, – заметил Кем Алтунай. – Атомная энергия – нет, спасибо, энергия ветра – да, пожалуйста.

– Логично, – кивнул Кай и заглянул в свой блокнот. – Есть еще интересные факты: за последний год «ВиндПро» спонсировала множество проектов, и среди прочих – восста-

новление ручья в окрестностях Бремталя, устройство лесных посадок в местах вырубок вблизи Фокенхаузена, организация приюта для осиротевших детенышей диких животных в Нидерйосбахе. Имеются фотографии, на которых глава «ВиндПро» передает пожертвования благодарным защитникам окружающей среды и инспектирует работы, производимые в рамках осуществления спонсируемых им проектов. В «БУНД» он даже состоит почетным членом. Вот так. Это отнюдь не совпадение. На каждое общество охраны окружающей среды по проекту. И каждый проект осуществляется в окрестностях Эпштайна.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Боденштайн, наморщив лоб.

– Мне представляется, что «ВиндПро» перетянула общества охраны окружающей среды на свою сторону, дабы их членам не приходило в голову протестовать против планируемого парка ветрогенераторов.

– Стало быть, своего рода подкуп. – Боденштайн понимающе кивнул.

– Кто знает, откуда взялись эти деньги, – добавил Кай. – Во всяком случае, своими щедрыми пожертвованиями «ВиндПро» заткнула рот членам обществ охраны окружающей среды.

– Как бы то ни было, нашим подозреваемым номер один является этот самый Теодоракис, – вмешалась Пия. – У него имеется ключ от двери главного входа в здание фирмы, и он создает проблемы для «ВиндПро». Нам следует заняться им.

– Мы даже не знаем, где он живет, – с сожалением произнес Кем.

– Это нетрудно выяснить. – Боденштайн подвинул в сторону Пии листок с приглашением на собрание общественности. – Завтра вечером он там обязательно появится. Как и мой отец – и, возможно, наш взломщик тоже.

Ноябрь 1998 года

Была пятница. Стоял мрачный, неприветливый вечер. Коллеги давно разъехались на выходные, и в лаборатории она оставалась одна, как это случалось довольно часто. Сосредоточенно глядя на экран монитора, она вводила в компьютер результаты своих исследований. Если все произойдет так, как она себе представляла, цифры составят чудесный график, который ляжет в основу ее диссертации. Она сгорала от нетерпения, но нужно было работать очень внимательно, ибо одна-единственная неправильно поставленная запятая могла погубить все ее труды.

Вдруг до ее слуха донесся какой-то шум. В коридоре раздались звуки шагов. Дверь открылась, и ее сердце подпрыгнуло в груди.

– Я так и думал, что застаю вас здесь. – На его красном от холода лице играла улыбка. Из кармана пальто он достал бутылку шампанского.

– У вас есть повод для праздника? – осведомилась она. Хотя они виделись каждый день, достаточно было одного его взгляда, чтобы уровень адреналина у нее подскакивал до головокружительной высоты.

– Разумеется. Поистине грандиозный! – В его глазах вдруг появилось выражение, вызвавшее у нее испуг. Наверное, действительно произошло нечто из ряда вон выходящее, поскольку она никогда не видела его таким веселым. Обычно он держался отстраненно, а иногда даже проявлял бесцеремонность.

– Анна, давайте пойдем в мой офис, там гораздо уютнее.

Анна! Еще никогда он не называл ее по имени! Что это с ним случилось? Зачем он приехал к ней в институт в столь неурочное время?

– Хорошо. – Она улыбнулась. – Мне нужно еще десять минут.

– Поторопитесь. Иначе шампанское нагреется. – Он подмигнул ей и вышел в коридор.

Сердце гулко билось в ее груди. За год, в течение которого она работала у профессора Айзенхута, они часто оставались наедине, но никогда вечером, и тем более никогда не пили

шампанское. Она сняла рабочий халат, распустила свой конский хвост и расчесала волосы. Лифт за несколько секунд поднял ее на восьмой этаж. Каучуковые подошвы ее туфель без каблучков с трудом отлипали от паркетного пола, издавая визгливые звуки. Она робко переступила порог его офиса и в нерешительности замерла на месте. Хотя ей нередко приходилось бывать здесь, только в лаборатории она чувствовала себя комфортно.

– Входите, входите! – крикнул он. Его пальто, пиджак и галстук висели, небрежно брошенные, на спинке стула. Он сидел за столом с прищуренными глазами и гримасой на лице. Перед ним стояли два бокала и бутылка шампанского.

– Так по какому поводу мы пьем? – спросила она. Ее сердце колотилось так сильно, что он наверняка услышал бы его, если бы не завывание ветра на улице.

– По поводу того, что с 1 января наш институт становится официальным консультативным органом федерального правительства по вопросам климатологии. – С радостной улыбкой он протянул ей бокал, такой холодный, что его стекло даже немного запотело снаружи. – И я решил отметить это событие со своей лучшей сотрудницей.

Она с изумлением воззрилась на него.

– Боже мой! Они же сегодня были в Берлине, а я совсем забыла... Мои самые искренние поздравления!

– Спасибо! – Он широко улыбнулся, осторожно чокнулся с ней и опорожнил бокал одним глотком. – Мы это заслужили.

Она пригубила шампанское. Он специально приехал в институт, чтобы выпить с ней! Ее пальцы дрожали. Она не могла оторвать от него взгляд. Взлохмаченные ветром волосы, сверкающие глаза, губы, о которых она мечтала с той самой минуты, когда впервые увидела его. Она сделала глоток и почувствовала, как ее лицо заливают краски. Никогда еще она не была так сильно влюблена, но, помимо этого, у нее вызвали восхищение его воодушевление, убежденность и стремление делать именно то, что нужно. Ее восхищали его эрудиция, острый ум и даже его высокомерие.

Неожиданно доктор Айзенхут сжал руки в кулаки и с торжествующим смехом потряс ими над головой. Потом он поставил бокал на стол, приблизился к ней и, положив руку ей на плечо, впился глазами в ее лицо.

– Мы сделали это, Анна! – прошептал он уже без улыбки. – Ты понимаешь? С сегодняшнего дня наши возможности безграничны!

Он сжал ладонями ее голову. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Очевидно, он прочел ответ на свой безмолвный вопрос на ее лице, и их трепещущие губы слились в поцелуй. Их тела, от кончиков волос до пальцев ног, захлестнула бурная волна страсти.

Во время третьего урока, к началу которого Марк все-таки успел, его вызвали к директору. Преподаватель биологии бросил на него сочувственный взгляд и кивнул головой в сторону двери. Когда Марк поднялся и пошел к выходу, никто на это не прореагировал, поскольку за полугодие его уже в четвертый или пятый раз приглашали в кабинет доктора Штурмфельса. Сначала его одноклассники, эти закоренелые мещане, шептались, хихикали и бросали на него насмешливые взгляды, но со временем это вошло в порядок вещей. Выйдя из класса, Марк не спеша пошел по коридору. Многие школьники за девять лет учебы видели директора лишь издали, он же мог бы постоянно пить с ним на брудершафт, так часто ему приходилось сидеть перед его письменным столом. Марк вошел в приемную, и секретарша молча кивнула ему, давая понять, что он может войти в кабинет. Он нехотя постучал в дверь и открыл ее.

– Привет, Марк-Филип. Присаживайся.

Марк сел на стул. Он прекрасно знал, что последует дальше. Те же самые сентенции, которые произносил отец, в той же самой последовательности. Только в более строгом тоне:

почему ты прогуливаешь школу? Это будет иметь последствия. Затем увещевания: ты же умный парень. Зачем ты ставишь крест на своем будущем? И, наконец, угрозы: тебя оставят на второй год или даже выгонят из школы... Не существует ли, часом, специальная методика для подобных случаев?

Но сегодня директор молчал, не отрывая взгляда от монитора компьютера и быстро перебирая пальцами по клавиатуре, словно, кроме него, в кабинете никого не было. Раздался звонок, и он переговорил с кем-то по телефону. Время шло. Может быть, это новая тактика? Марк даже подумал, не включить ли ему свой айпод, чтобы послушать музыку, но не решился, сочтя, что это будет уже слишком.

– Вот и опять сидим мы друг против друга, – неожиданно произнес доктор Штурмфельс. – Как видишь, я так легко не сдаюсь. Ты не хочешь мне сегодня что-нибудь рассказать?

Марк быстро взглянул на него и опустил глаза. Доктор Штурмфельс сидел, откинувшись на спинку кресла, скрестив руки на груди, и испытующе смотрел на него. Этот взгляд безжалостно пронзал все его существо и проникал в нечто сокровенное, что принадлежало только ему.

– Нет, – пробормотал он и принялся рассматривать свои ладони. Ему вспомнились другая школа и другой учитель. Волосы закрывали ему глаза, и он прятался за ними, словно за занавесом.

– Я знаю, все это тебя не интересует, – продолжал директор. – Но мне также известно, что с тобой происходит.

У Марка дернулся кадык. К угрозам и ругани он давно привык и не обращал на них внимания, но сочувственное отношение и понимание были для него внове, и ему стало не по себе. Нужно отсюда выбираться, подумал Марк. Немедленно. Но было уже поздно, ибо дверь в прошлое уже почти закрылась, оставив узкую щель, сквозь которую, словно тонкий ручеек, струилась боль. Он сунул руки в карманы куртки и сжал их в кулаки. Почему никто не понимает, что он хочет, чтобы его просто оставили в покое?

– Отказываясь посещать школу, ты вредишь только самому себе, – сказал директор – Твои родители рассказали мне о том, что произошло в интернате, и я знаю...

– Прекратите! – Марк вскочил со стула. – Вы ничего не знаете. Все постоянно утверждают, будто что-то знают. А это вовсе не так.

– В чем дело? – Доктор Штурмфельс смотрел на него спокойно и невозмутимо. Казалось, бурная реакция Марка не произвела на него никакого впечатления. – Что побуждает такого умного парня, как ты, прогуливать занятия и разбивать автомобили клюшкой для гольфа?

Марк уперся в дверь изо всех сил, но давление извне становилось все сильнее и сильнее. Воспоминания, возникавшие в сознании против его воли, причиняли ему душевную боль. *Расскажи нам, что случилось. Мы поможем тебе. Об этом никто не узнает. Это останется между нами.* Ни в коем случае! Возможно, себе они и помогут, очистив свою совесть, но не ему. Сначала они проявляют к человеку чуткость, а потом бросают его на произвол судьбы. Так происходит всегда. Марк был сыт по горло лицемерным сочувствием и всяческой психоаналитической чушью! Почему бы этому тупому Штурмфельсу не ограничиться своей обычной проповедью?

– Вам этого не понять, – выдавил из себя Марк и повернулся к директору спиной. Он чувствовал, как в его жилах закипает ярость, вызывая невыносимую, почти физическую боль, и знал, что потеряет над собой контроль, если немедленно не выйдет прочь.

Он подумал о Рики. Голос директора постепенно затихал где-то на периферии его восприятия. Он выскочил из кабинета. Пусть Штурмфельс думает все, что ему угодно. Ему было на это глубоко наплевать.

Совещание закончилось. Начальник проектного отдела и ответственные инженеры покинули офис. За три часа воздух в отапливаемом помещении явно застоялся. Штефан Тейссен открыл окно и ждал, пока секретарша уберет со стола чашки, бокалы и бутылки и закроет за собой дверь. Ему все еще казалось, что он чувствует запах разложения, хотя вчера люди из фирмы по уборке помещений использовали целый арсенал всевозможных чистящих средств. Тейссен вернулся к столу, за которым еще сидели доктор Энно Радемахер, коммерческий директор «ВиндПро», и Ральф Глокнер. Последнего Тейссен вчера утром попросил как можно скорее приехать в фирму. Он пару раз уже работал с Глокнером и надеялся, что тот поможет им осуществить проект в Таунусе. Этот австриец предлагал услуги по устранению всякого рода проблем всем, кто был готов платить ему заоблачные гонорары и был известен в определенных кругах своими нетрадиционными, но чрезвычайно эффективными методами. Очень часто его привлекали только лишь для улаживания конфликтов и достижения компромиссов. Будучи по профессии инженером, Глокнер строил дамбы, электростанции, мосты, туннели и каналы по всей Европе, в Пакистане, Африке и Китае и как никто другой подходил для разрешения этой сложной ситуации.

– Итак, мы все обсудили, – сказал Радемахер. – Нужно договориться со страховой компанией, дабы самое позднее в четверг мы могли беспрепятственно приступить к валке леса. Мы не можем позволить себе дальнейшее промедление.

– Каким образом ты собираешься решить эту проблему? – спросил Глокнер, который имел обыкновение всех называть на «ты».

– Я веду переговоры с членами семьи владельца этого участка земли, которые близятся к завершению, – ответил Радемахер. – С их помощью мы все уладим самое позднее послезавтра.

Глокнер поднял брови и понимающе улыбнулся.

– Я немедленно отправлюсь туда и ознакомлюсь с ситуацией с близкого расстояния, – сказал он. – Проблемы существуют для того, чтобы их решать.

– Точно. – Радемахер довольно улыбнулся, словно кот, поймавший мышь.

У Тейссена, следившего за разговором, на душе становилось все тяжелее. Не упустил ли он какой-нибудь важный момент? Он наблюдал за собеседниками, переводя взгляд с одного на другого. Трудно было представить более непохожих друг на друга людей. Рядом с крупным, двухметровым Глокнером, чье загорелое лицо было изборозжено морщинами, Радемахер со стянутыми в конский хвост длинными седыми волосами, одетый в рокерский кожаный жилет, выглядел безобидным бухгалтером. Но это впечатление было обманчивым.

– Итак, всего хорошего, господа. – Глокнер поднялся со стула, фамильярно хлопнул Радемахера по плечу, что покорило Тейссена, и покинул офис неторопливым, мерным шагом.

– Я не знал, что Хиртрайтер решил-таки продать луг, – сказал Штефан Тейссен, повернувшись к Радемахеру. Ему не нравилось, что он узнал столь важную новость между делом.

– Он не решился, – отозвался коммерческий директор, закидывая ногу на ногу. – Решились его сыновья. Они все еще уговаривают его, но я настроен оптимистично. У меня нет никаких сомнений в том, что в противном случае мы добьемся принудительного отчуждения через суд. Это послужит для них стимулом.

Радемахер самодовольно улыбнулся, оставаясь при этом серьезным.

– А что там за зловещее проникновение со взломом? – осведомился он. – Что могло здесь понадобиться взломщику? И что означает мертвая мышь?

– Хомяк. Это был золотой хомяк. – Тейссен пожал плечами. Несколько секунд он в оцепенении смотрел прямо перед собой, затем хлопнул ладонью по столу. – Неужели эта глупая корова не могла сначала предупредить меня, прежде чем звонить в полицию?

– Что это изменило бы?

– Я выбросил бы этого проклятого хомяка в унитаз, вынес бы пару ноутбуков и разбил бы окно, чтобы все выглядело, как нормальное проникновение со взломом! – Тейссен вскочил на ноги и зашагал по комнате взад-вперед. – Главное, нельзя было допускать, чтобы полиция заполучила пленки камер слежения.

– Почему? – спросил Радемахер.

– Потому что вечером я возвращался в здание фирмы, – ответил Тейссен – Проклятье. Теперь они, естественно, засыплют меня вопросами.

Ему очень не нравилась эта ситуация, и меньше всего он нуждался в том, чтобы в здании фирмы рыскали полицейские ищейки. На первый взгляд, парк ветрогенераторов в Эльхальтене представлялся весьма незначительным проектом, но от него зависело будущее фирмы. Когда Тейссен основал «ВиндПро», она была одной из первых на рынке. Со временем у нее появились конкуренты, вроде фирмы «Пильце» из Бодена, которые обрушили цены. Приходилось прибегать к строгим мерам экономии, чтобы фирма хотя бы не была убыточной, но это не помогало. Если бы проект создания парка в Таунусе не удалось реализовать, фирма полностью лишилась бы финансирования. Радемахер и так продемонстрировал чудеса изобретательности, найдя инвесторов и убедив банкиров, что было невероятно трудно сделать во времена финансового кризиса. Ветроэнергетические фонды, которые должны были финансировать создание парка в Таунусе, спонсировали и другие, значительно более крупные проекты, получая многомиллионные субвенции¹² от государства, земли и города. «ВиндПро» могла лишиться многих инвестиций только из-за того, что упрямый старик не соглашался продавать свой проклятый луг, и это грозило ей катастрофой.

– У тебя есть какие-нибудь подозрения относительно того, кто может стоять за этим взломом? – спросил Радемахер.

– Разумеется, – раздраженно ответил Тейссен. – Теодоракис, кто же еще? Но на этот раз он зашел слишком далеко.

– Ты хочешь сказать, он убил Гроссмана?

– Возможно, тот его узнал. Кто знает...

– Ты проверил, все документы на месте?

– Это первое, что я сделал. Всё на месте.

– Будем надеяться, что это так. – Радемахер выглядел озабоченным.

– Для беспокойства нет никаких оснований, – заверил его Тейссен, но его слова прозвучали не очень убедительно.

С самого начала Штефан ломал голову над тем, что мог искать взломщик. Неужели он хотел всего лишь положить хомяка на его стол? Зачем? Однажды он где-то прочитал, что мафиози в Америке предостерегают свидетелей, готовых дать показания против них, присылая им мертвую канарейку или рыбу, но в данном случае это не имело никакого смысла.

– Время, когда это могло представлять опасность, уже прошло, – сказал он более уверенным тоном. – В четверг мы должны начать вырубку леса на участке, отведенном под строительство, дабы уложиться в установленные сроки, и ничто этому не может помешать. К осени парк будет готов.

Раздался стук, дверь приоткрылась, и в проеме показалась голова секретарши.

– Пришли два сотрудника уголовной полиции, – сказала она.

Этого еще не хватало! Тейссен взглянул на наручные часы. Через два часа он должен был присутствовать на торжественном мероприятии по случаю открытия экономического клуба Переднего Таунуса в отеле «Кемпински» в Фалькенштайне.

Радемахер вопросительно смотрел на своего шефа.

¹² Субвенция – пособие, подлежащее возврату в случае нецелевого или несвоевременного использования.

– Наверное, тебе следует сказать им правду о Гроссмане, прежде чем они узнают ее сами, – сказал он.

– Ни в коем случае, – отрезал Тейссен. – Я рад, что этот кошмар закончился.

До слуха Фрауке, занимавшейся очисткой рабочего стола, донесся звон колокольчика на входной двери магазина. Она вытерла руки полотенцем и прошла в помещение магазина. На пороге стояла стайка гомонивших школьниц лет четырнадцати-пятнадцати. Одна из них, длинноногая газель с густо покрашенными глазами, попросила Фрауке помочь ей выбрать щетку для собаки.

– Какая у тебя собака? – осведомилась Фрауке.

– Мы привезли ее с Ибицы. У нее очень чувствительная кожа.

Фрауке продемонстрировала несколько разных моделей и была немало удивлена тем, насколько критично девушка рассматривала каждую щетку. По всей видимости, она действительно любила свою собаку.

– Эй, ты! Я все видела! – раздался вдруг голос Ники. Фрауке обернулась. Остальные девушки выбежали из магазина, «газель» последовала за ними.

– Что такое?... – пробормотала Фрауке, ничего не понимая.

– Эта маленькая стерва стянула тенниску, – сказала Ника с гримасой ярости на лице.

Спустя секунду они уже исчезли. Фрауке покачала головой, осознав, что стала жертвой довольно неуклюжего отвлекающего маневра. В последние пару недель кражи в магазине участились. Особой популярностью у воров пользовались тенниски определенной марки и конская упряжь.

Фрауке поспешила вслед за Никой на улицу и заперла дверь магазина. Ее комплекция не оставляла ей ни малейшего шанса догнать воровку. Пробежав всего несколько метров, она начала задыхаться. Тем временем Ника уже резво мчалась по круто поднимавшейся вверх улице. На углу, где начиналась пешеходная зона, она настигла девушек.

В школе закончились занятия. Группы школьников шли по пешеходной зоне в направлении автобусной станции. Ника вцепилась в темноволосую девушку с розовым рюкзаком на спине. Ее подруги громко завопили, и двое подростков, которые, очевидно, были заодно с ними, приблизились к Нике сзади. Один из них обхватил ее обеими руками, и девушки бросились наутек. И тут на глазах Фрауке разыгралась совершенно невероятная сцена. В течение доли секунды Ника освободилась от объятий. С грацией тигрицы она совершила пируэт, подросток взмыл в воздух и всей своей массой плюхнулся на асфальт. Второй бросился на Нику и тут же разделил печальную судьбу своего приятеля. Потрясенные девушки во все глаза смотрели на Нику.

– Если ты отдашь мне то, что стащила, я не стану звать полицию, – донесся до Фрауке голос Ники.

Воровка безропотно открыла свой рюкзак, достала сложенную тенниску и с выражением упрямства на лице швырнула ее под ноги Нике. Подростки с трудом поднялись на ноги и, хромая, растворились в толпе зевак.

– Подними, – произнесла Ника властным тоном.

Фрауке с изумлением увидела, как девушка наклонилась и подняла украденную майку. Ника была спокойна и невозмутима. Несмотря на старомодное платье, серую вязаную кофту и поношенные гимнастические тапочки, она излучала силу и внушала невольное уважение, чего прежде Фрауке за ней никогда не замечала. Девушка протянула тенниску Нике.

– Спасибо. А теперь исчезните. И чтобы больше никто из вас не появлялся в нашем магазине, иначе я заявлю в полицию.

Сороки-воровки втянули головы в плечи и сочли за лучшее поскорее смешаться с толпой. Фрауке не могла вымолвить ни слова. Если бы она не видела все собственными гла-

зами, ни за что не поверила бы, что тихая, хрупкая Ника может без труда справиться с двумя юнцами.

Но та, похоже, не желала говорить о своем подвиге. Она молча прошла мимо нее и двинулась по Кирхштрассе. Фрауке пришлось семенить трусцой, чтобы поспевать за ней.

– Как ловко ты с ними расправилась! – восхитилась она. – Где ты научилась карате?

– Джиу-джитсу, – поправила ее Ника.

– Вот это да! Никогда не подумала бы, что ты способна на такое! – сказала Фрауке, задыхаясь от быстрой ходьбы. – Когда я расскажу Рики, она...

Ника остановилась так внезапно, что Фрауке едва не натолкнулась на нее.

– Я не хочу, чтобы ты рассказывала что-либо Рики, – бросила она ей без тени улыбки на лице. – Обещаешь мне?

– Да, но это было... – начала было Фрауке смущенно.

– Ты обещаешь мне? – повторила Ника, и на этот раз в ее голосе послышались угрожающие нотки.

– Ладно, хорошо, – испуганно пробормотала Фрауке. – Обещаю.

– Я надеюсь на тебя.

Ника тронулась с места. Фрауке осталась стоять, провожая ее недоуменным взглядом и наблюдая за тем, как она пересекла улицу и скрылась в магазине.

– У нас есть подозрение, что за шуткой с хомяком стоит один наш бывший сотрудник, – сказал доктор Штефан Тейссен.

– Шуткой? – Пия недоуменно подняла брови. – Подвергать себя такому риску ради шутки?

Боденштайн предоставил Пии право вести беседу с руководителями «ВиндПро», а сам, оставаясь на заднем плане, изучал этих двух мужчин. Тейссен производил впечатление уверенного в себе, выдержанного человека. Он, как и его коллега, не проявлял ни малейших признаков нервозности, которая овладевает большинством людей при общении с сотрудниками уголовной полиции. Наметанным взглядом Оливер оценил облачение Тейссена – стильный костюм, добротная рубашка, модный галстук, туфли ручной работы. Все это стоило немалых денег. Очевидно, Тейссен придавал своему внешнему виду большое значение.

– И кого же вы подозреваете? – спросила его Пия.

– Этого человека зовут Янис Теодоракис. Он работал у нас, – ответил Тейссен.

– Вот как! – В голосе Пии прозвучало удивление. – Теодоракис. Тот самый, из общественного инициативного комитета. Я видела вчера его интервью по телевизору. Он высказывал серьезные упреки в адрес вашей фирмы и отнюдь не был похож на шутника.

Тейссен и Радемахер переглянулись.

– Все эти заявления – злостная клевета, – сказал Радемахер. – Девять месяцев назад мы расстались с Теодоракисом, и теперь он мстит нам, не брезгуя никакими средствами. Мы подадим на него в суд.

Он был несколькими годами старше Тейссена, что-то около пятидесяти пяти. Его лицо с обвисшими щеками не выражало никаких чувств, сквозь редкие светлые волосы просвечивала розоватая кожа черепа. По части уверенности в себе Радемахер не уступал Тейссену, но был не столь высокомерен. Во время разговора под полоской густых усов у него обнажались неровные, желтоватые зубы. Его мятый костюм источал запах табачного дыма. Боденштайн подошел к серванту, на котором стояли фотографии в рамках. Ветротурбины, улыбающиеся мужчины в костюмах на строительной площадке. Семейные снимки. Представительный папа, красивая мама, трое детей. Светловолосый юноша с серьезным лицом, в костюме с бабочкой и со скрипкой в руках. Две улыбающиеся девушки на лыжах посреди заснеженного поля. Папа и мама на фоне заходящего солнца в горах.

– Его утверждения совершенно беспочвенны, – поддержал коллегу Тейссен. – Члены экологических организаций никогда ни в чем не сомневаются, а потом вдруг оказывается, что они не правы.

Боденштайн кашлянул.

– Какую должность занимал господин Теодоракис в вашей фирме?

– Он был руководителем проектной группы, – ответил Тейссен. – Отвечал за приобретение земельных участков и разработку проектов по сооружению ветрогенераторов на всех этапах.

– За что вы его уволили?

– У нас с ним возникли разногласия.

– Какого рода?

– Это внутренние дела фирмы, – уклончиво ответил Тейссен.

– Следовательно, вы расстались с ним не по-доброму, – предположил Боденштайн и по выражению лица Тейссена понял, что прав.

– Теодоракис был закоренелым склочником, отравлявшим рабочую атмосферу, – вмешался Радемахер. – Он не соблюдал договоренности и ссорился с клиентами. Когда мы из-за этого потеряли крупный заказ, чаша нашего терпения переполнилась.

– Вы говорили о мести, – сказал Боденштайн. – За что вам мог мстить Теодоракис?

– После увольнения он поднял большой шум, обратился в суд по трудовым делам, но проиграл, – ответил Радемахер и хрипло откашлялся. – В нашей отрасли все знают друг друга, и никто не захотел взять его на работу. В этом он до сих пор винит нас и строит нам всяческие козни.

– Имел ли он какое-либо отношение к проектированию парка ветрогенераторов в Таунусе?

– Только на начальном этапе. Он был уволен в августе прошлого года.

Пия вынула из сумки листок, который Крёгер нашел под копировальным аппаратом в секретариате, и протянула его Тейсену.

– Что это? – спросил он.

– Это мы хотели бы узнать у вас.

Тейссен уставился на листок, наморщив лоб, затем с каменным лицом передал его Радемахеру.

– Похоже на страницу отчета экспертизы. – Он скрестил руки на груди. – Откуда он у вас?

– Этот листок лежал на полу под копировальным аппаратом в вашей приемной. – Боденштайн не спускал с Тейссена глаз. – Мы решили, что в нем нет ничего необычного, за исключением времени последнего использования копировального аппарата. Согласно протоколу, это произошло в субботу между 2.43 и 3.14.

– Я не вполне понимаю... – начал был Тейссен, но тут же замолчал. Как бы ни пытался он убедить сотрудников уголовной полиции в том, что листок не имеет никакого значения, это выглядело бы неубедительно. Его глаза нервно забегали, зубы впились в нижнюю губу.

Радемахер, напротив, язвительно улыбался.

– По крайней мере, мы знаем, зачем Теодоракис проник сюда, – сказал он. – Экономический шпионаж. Это ему дорого обойдется.

Боденштайн бросил на него задумчивый взгляд. Знал ли Радемахер о том, что Тейссен побывал здесь в ночь убийства?

– Так в какое время вы покинули здание фирмы в ночь с пятницы на субботу? – обратился он к Тейсену.

– Незадолго до полуночи, – ответил тот. Казалось, он не понимает, к чему клонит Боденштайн. – Я ведь вам уже говорил.

– Никто вас при этом не видел. И до сих пор только жена может подтвердить ваше алиби. К сожалению, ваши слова мало чего стоят.

Радемахер не выказал никаких признаков удивления. Он либо был искусным актером, либо знал, чем занимался Тейссен в здании фирмы в ночь убийства Гроссмана. Его лицо выражало ожидание, граничившее с любопытством. Что же касается лица Тейссена, на нем в течение доли секунды отразилась целая гамма чувств: осознание, удивление, неуверенность, страх. Самым сильным из них был страх, который застыл в его глазах на несколько секунд, пока он не сумел взять себя в руки.

– Я не понимаю, почему... – заговорил он.

– Уверена, вы все прекрасно понимаете, – оборвала его Пия. Он начинал действовать ей на нервы. – Может быть, вы договорились о встрече с тем, кто проник в здание?

– Господи! Но это же абсурд! Почему... зачем я должен был договариваться о встрече со взломщиком? – произнес, запинаясь, изумленный Тейссен.

Пия сознавала нелепость своего предположения, но она уже однажды поймала этого типа на лжи и надеялась, что он совершит ошибку, оказавшись загнанным в угол.

– Алиби, предоставленное вашей супругой, весьма сомнительно, – вступил в разговор Боденштайн. – Вы находились в здании, старались избежать встречи со своим ночным сторожем, и мы не знаем, когда вы в действительности ушли отсюда. На основании этого вы являетесь подозреваемым в том, что имеете отношение к событиям, произошедшим здесь в ночь с пятницы на субботу. И поэтому мы просим вас временно никуда не уезжать, поскольку вы можете понадобиться нам в любую минуту.

– Не считаете же вы всерьез, будто я имею какое-то отношение к этому несчастному случаю! В конце концов, Рольф был моим другом!

Тейссен побагровел. Радемахер положил ему руку на плечо, стараясь успокоить, но он резким движением стряхнул ее.

– Я пришел в свой кабинет за документами, которые забыл взять с собой. Единственная причина, почему я не хотел, чтобы меня увидел Рольф, – нежелание вступать с ним в разговор! Но я никогда не сделал бы ему ничего плохого!

Его возмущение было искренним, но подозрение Пии явно вызывало у него не только это чувство.

– Скорее это дело рук Теодоракиса, – авторитетным тоном заявил Радемахер. – Он чрезвычайно вспыльчив и не отдает себе отчета в своих действиях. Возможно, Гроссман узнал его и потребовал объяснений. Поговорите с ним, если вы еще не сделали этого. Вы убедитесь в том, что я прав. Это совершенно непредсказуемый, злобный человек.

Картонная коробка с лазаньей с семгой вращалась на стеклянной тарелке микроволновой печи. Янис разложил на столе документы и принялся тщательно сверять указанные в них цифры с данными экспертиз, которые раздобыл некоторое время назад.

– Непостижимо, – пробормотал он и покачал головой, занося результаты сравнения в таблицу.

В тот самый момент, когда лампочка микроволновой печи погасла, издав при этом щелчок, стукнула входная дверь. Янису не нужно было смотреть на часы. Каждый день Ника приходила домой ровно в половине второго. Она никогда не обедала с Фрауке, Рики или подругами, которых у нее не было.

– Привет, – сказала она, войдя в кухню.

– Привет, – отозвался он, оторвавшись от цифр и подняв голову.

Ее облачение, которое на любой другой женщине выглядело бы нелепым, представлялось ему экзотичным и восхитительно неприязнительным: расшитая цветами юбка, блузка оливкового цвета и некогда зеленая, бесформенная вязаная кофта. На ногах у нее были стоп-

танные теннисные туфли. После того, как он увидел, что скрывают под собой эти тряпки, ее одежда больше его не волновала.

– Ты уже обедала? – спросил он подчеркнуто небрежным тоном, хотя удары сердца отдавались у него в горле.

– Нет. А что ты можешь предложить?

– Лазанью с лососем. И картофельный салат.

Она бросила взгляд на пустой пакет.

– О нет, большое спасибо. Сегодня никаких деликатесов из «Альди».

Поскольку Рики отдавала предпочтение быстрому питанию, Янис постепенно пристрастился к готовым блюдам из окрестных супермаркетов, которыми был забит холодильник.

– Напрасно, – сказал он. – Картофельный салат от «Реве».

Ника рассмеялась, и у него перехватило дыхание, как это часто случалось с ним в последнее время. Крайне редко смущавшийся, в присутствии Ники он теперь испытывал непривычную робость. Впрочем, она, казалось, этого не замечала.

– Лучше я съем сэндвич, – сказала она и открыла дверцу холодильника. Янис выложил лазанью и картофельный салат на тарелку, достал из выдвижного ящика приборы и сел за стол, отодвинув в сторону стопку бумаг.

– Что это у тебя? – спросила Ника, с любопытством заглядывая ему через плечо, в то время как он разрезал пополам помидор.

– Данные экспертиз, – ответил Янис, жуя. – К сегодняшнему вечеру у меня должны быть убедительные аргументы.

– Понятно.

Интерес у Ники угас. Она села за стол и принялась поглощать сэндвич с помидором и огурцом. Янис ломал голову, пытаясь найти тему для разговора, которая могла бы побудить ее сказать нечто большее, нежели «спасибо», «да» и «нет».

– Как сегодня обстоят дела в магазине? – спросил он наконец и взглянул на нее.

– Для вторника очень даже неплохо, – ответила она. – В Интернете на удивление много заказов.

Янис с энтузиазмом начал развивать эту тему. Он бойко заговорил о преимуществах и недостатках торговли в Интернете. Ника время от времени кивала и рассеянно улыбалась, но он заметил, что мысленно она находилась где-то далеко. Поднявшись со стула, Ника отодвинула в сторону тарелку, наклонилась вперед и взяла газету, которую он утром оставил на столе.

Янис украдкой наблюдал за ней. Интересно, какая последует реакция, если он признается ей в том, что она сводит его с ума? Следовало ли ему отважиться на столь дерзкое признание? Ее отказ был бы для него мучителен, но он больше уже не мог сдерживать себя. Пока он размышлял, какими словами можно было бы выразить свои чувства, Ника перевернула страницу и вздрогнула, словно из газеты на нее выпрыгнуло привидение. Рука, в которой она держала бокал, сильно дрожала. На долю секунды на ее обычно спокойном лице мадонны появилось выражение ужаса.

– Что такое? – озабоченно спросил Янис.

Ника поставила бокал на стол, судорожно сглотнула и встряхнула головой. В ее глазах читалось крайнее замешательство. Она опустила голову.

– Нет, ничего. – Она овладела собой, быстро сложила газету и поднялась, прежде чем он успел что-либо сказать. – Увидимся позже. Мне нужно идти.

Янис проводил ее взглядом, исполненным восхищения и некоторой обиды. Что же там такое в газете? Он склонился над столом и стал переворачивать страницу за страницей, но так и не нашел ничего такого, что могло бы напугать. Может быть, ее повергло в ужас чье-

нибудь имя в траурной рамке? Если так, то чье? Как, собственно, фамилия Ники? Договор об аренде жилья она с ними не заключала, поскольку они были старыми подругами с Рики. Лоб Яниса избороздили морщины. Он почти ничего не знал о женщине, с которой делил кров уже почти полгода и которая с недавнего времени занимала его мысли самым неподобающим образом. Настало время изменить такое положение дел.

– Я думаю, Тейссен не имеет никакого отношения к смерти Гроссмана, – сказала Пия, когда они с Боденштайном шли по коридору. – Но ты заметил, как он испугался, когда я показала ему этот листок?

– Да, заметил. Рыльце у него явно в пушку. – Оливер направился было к лифту, но потом передумал и решил спуститься по лестнице. Может быть, это избавит его от нескольких жировых клеток. – У Теодоракиса имеются счета с его бывшим работодателем. Это личное дело, и, стало быть, важную роль играют эмоции. Как бы то ни было, Тейссен будет оставаться подозреваемым до тех пор, пока кто-нибудь, помимо жены, не подтвердит его алиби.

– Однако обвинения Теодоракиса в адрес «ВиндПро» не могли возникнуть на пустом месте. – Пия остановилась посреди лестницы. – По всей вероятности, у него имеется какой-нибудь компромат на Тейссена и Радемахера, иначе он не стал бы выступать по телевидению и вести речь о мошенничестве и коррупции.

– Меня беспокоит этот хомяк. – Боденштайн задумчиво покачал головой. – Он совершенно не вписывается в общую картину. Теодоракис проникает в здание, кладет мертвого хомяка на письменный стол в качестве предупреждения или с какой-то другой целью, копирует документы, в этот момент его застигает и узнает Гроссман, дело доходит до драки, Гроссман падает с лестницы, и Теодоракис пытается его реанимировать? Ни за что не поверю. Он тотчас сбежал бы.

– Да, и вряд ли он стал бы говорить в интервью об уничтожении популяции хомяков, если бы положил на стол мертвого хомяка, – согласилась с шефом Пия. Они беспомощно смотрели друг на друга.

– Нам нужно непременно побеседовать с ним. – Боденштайн достал мобильный телефон и двинулся по ступеням вниз. Он позвонил Остерманну, который сообщил о том, что им наконец удалось узнать адрес Теодоракиса. Кем Алтунай и Катрин Фахингер уже были на пути в Грос-Герау.

– Почему в Грос-Герау? – удивленно спросил Оливер.

– Он там живет. В Бюттельборне.

Они спустились на первый этаж и пересекли холл. Пия протянула руку, чтобы толкнуть входную дверь. Под солнечными лучами, падавшими сквозь стеклянный купол крыши, на ее руке что-то блеснуло. Что это? Кольцо? За четыре года, что они работали вместе, Боденштайн ни разу не видел на своей коллеге ни единого украшения.

– Сообщи мне, когда они вернутся. – Он сделал шаг в сторону и подождал, пока выходящий вместе с ними мужчина, который посмотрел на него с любопытством, окажется вне зоны слышимости. – Я хотел бы, чтобы они расспросили о Теодоракисе всех сотрудников «ВиндПро».

Боденштайн закончил разговор и убрал телефон. По дороге к автомобилю он подумал, не спросить ли Пию о кольце, но, увидев отрешенное выражение ее лица, не решился. Может быть, как-нибудь потом.

– А сейчас нажимай на сцепление... так... упс! – Рики рассмеялась. – Слишком быстро.

Как только Марк увидел Рики, ему сразу стало хорошо. Мрачные воспоминания рассеялись, словно злобные привидения, оставив после себя неприятный осадок, который быстро исчез. Рики никогда не приставала к нему с глупыми вопросами. Заметив, что у него плохое

настроение, она всегда находила, чем отвлечь его от дурных мыслей. Автомобиль, дернувшись, остановился.

– Извини, – пробормотал Марк. Водитель из него был еще очень неважный. И это при том, что каждый болван может управлять автомобилем!

– Ничего, ничего, – сказала Рики. – Попробуй еще!

Марк нажал на сцепление, перевел рычаг передач на первую скорость и повернул ключ зажигания. Когда взревел двигатель, он судорожно вцепился потными ладонями в руль. Рики наклонилась вперед и положила ему руку на левую ногу. Сердце гулко забарабанило в его груди. От волнения он едва мог вздохнуть.

– Теперь о-о-очень медленно отжимай сцепление, – скомандовала Рики, постепенно ослабляя давление на его ногу. – И одновременно нажимай на акселератор, но не очень сильно.

Марк кивнул и высунул кончик языка. Он пристально смотрел на проселочную дорогу. Но как можно было сосредоточиться на управлении автомобилем, если ее рука лежала на его ноге? Он ощущал правой рукой легкое прикосновение груди Рики и вдыхал аромат ее шампуня.

Нужно отпускать сцепление медленно, думал он, и слегка нажимать на газ... Ура! Он ехал! Автомобиль катился по проселку. Рики убрала руку с его ноги и посмотрела на него с улыбкой.

– Супер! – Ее губы находились не более чем сантиметрах в тридцати от его лица. – Нажимай на педаль сцепления, отпускай акселератор и переключай на вторую скорость.

Раздался хлопок, и двигатель заглох.

– Наверное, будет лучше, если ты сядешь за руль, – сказал он обреченно. – Иначе мы сегодня не доберемся до магазина.

– Ерунда. – Рики энергично потрянула головой. – Нужно практиковаться, и тогда станешь классным водителем. Доедешь до поселка, а там поменяемся.

Марк завел двигатель и перевел рычаг передач сначала на первую, потом на вторую скорость.

Впервые Рики доверила ему руль пару недель назад.

– Ну-ка, попробуй, – сказала она ему тогда и улыбнулась. – Когда придешь на курсы вождения, будешь уже уметь водить.

Это было так похоже на Рики! Она никогда не обращалась с ним как с ребенком. Восхищение, которое Марк испытывал в отношении Рики, было безграничным. За что бы она ни бралась, у нее все получалось, причем не хуже, чем у мужчины. Она без всякой помощи вскакивала на спину неоседланной лошади и свободно изъяснялась по-английски, поскольку изучала космическую технику в элитарном калифорнийском университете – одна из всего лишь семи женщин! Она умела обращаться с животными, ничего не боялась и всегда находила выход из любого положения. К тому же потрясающе выглядела. Тот день, когда Марк увидел ее впервые, стал поворотным пунктом в его жизни. Она была сильной, честной, открытой, прямой, беззаботной. В отличие от других взрослых с их пустыми обещаниями, у нее слова никогда не расходились с делом. Она никогда не лгала, не произносила пустых, ничего не значивших фраз. И главное, она предпочитала его всем остальным – если не считать Яниса, но ведь тот, в конце концов, был ее другом.

– Передача! – напредила она ему, когда стрелка тахометра приблизилась к цифре 4000 и двигатель жалобно взвыл.

Отпустить акселератор, нажать на сцепление, переключить передачу, нажать на акселератор. Черный «Ауди» довольно жужжал, катясь по асфальтированной дороге между рядами цветущих вишневых деревьев и яблонь. Через открытое окошко в салон задувал теплый ветерок.

– Вот это здорово! – ликовал Марк. – Я могу управлять автомобилем!

– Конечно. Ты сможешь сделать все, если по-настоящему захочешь, – сказала Рики с улыбкой.

Она нажала клавишу CD-проигрывателя, и спустя несколько секунд из динамика раздалась звуки «All Summer Long» группы «Kid Rocks». Марк находил такую музыку отвратительной, но Рики любила эту песню, напоминавшую ей о Калифорнии, и поэтому он решил, что, наверное, в ней что-то есть.

– У тебя действительно получается очень хорошо! – громко произнесла она, стараясь перекрыть музыку. – Когда получишь водительские права, мы с тобой вместе поедем по хайвэю номер один Тихоокеанского побережья, из Сан-Диего в Сан-Франциско!

Марк с готовностью кивнул. Он был на седьмом небе от счастья.

*«And we were trying different things, we were smoking funny things, making love to our favourite song»,*¹³ — пропела Рики, и Марк окончательно растаял. Выбившаяся прядь ее светлых волос трепетала на ветру. Она была настолько прекрасна, что он так и смотрел бы на нее, не отводя глаз.

*«Sipping whiskey out of bottle, not thinking about tomorrow, singing «Sweet Home Alabama» all summer long!»*¹⁴.

Она ухмыльнулась. Марку хотелось, чтобы эта поездка продолжительностью три километра никогда не заканчивалась.

В пятницу вечером он совершил ошибку, но никакие угрызения совести уже не могли исправить положение. Янис медленно поднялся по винтовой лестнице. Чердак служил ему убежищем. Животные сюда забраться не могли, и даже Рики заглядывала сюда крайне редко. Он открыл оба слуховых окна, располагавшихся напротив друг друга по обеим сторонам крыши, чтобы проветрить помещение, и включил компьютер. Его письменный стол стоял у окна, выходящего на запад, откуда открывался вид на долину, где располагался питомник для животных, вплоть до развалин замка в Кенигштайне. Янис решительно отогнал неприятные мысли и подавил укоры совести, которые одолевали его, только когда он погружался в размышления. Сегодня вечером на предварительном совещании в «Кроне» в Эльхальтене ему предстояло убедить остальных членов общественного инициативного комитета в том, что завтра на собрании общественности от имени комитета должен выступить не Хиртрайтер, а он.

Теплые лучи солнца, проникавшие сквозь открытое окно, отражались ярким прямоугольником на сером ковровом покрытии. Жужжавшая вокруг его головы назойливая муха села на экран компьютера. Смахнув ее машинным движением, Янис открыл электронную почту и удовлетворенно ухмыльнулся. Марк сдержал слово. Иногда этот парень утомлял его и действовал ему на нервы, но в данном деле он был незаменим.

Отослав одиннадцать сообщений, Янис вошел в Интернет и набрал в поисковике «Гугл» название «ВиндПро». Он проделывал это регулярно, ведь ему было необходимо постоянно быть в курсе событий в стане его врагов. Быстро пробежал взглядом последние новости, и вдруг в глаза ему бросилось одно имя, вызвавшие у него смутные ассоциации. Он открыл статью и взглянул на фотографию, помещенную рядом с текстом. *Профессор Дирк Айзенхут, директор Немецкого климатологического института, приезжает в пятницу 15 мая в Кенигштайн*, прочитал он. *Доктор Штефан Тейссен, председатель экономического клуба Переднего Таунуса, рад визиту выдающегося ученого.*

¹³ «И мы пробовали разные вещи, курили занятные вещи, занимались любовью под нашу любимую песню» (англ.).

¹⁴ «Пили виски из горла, не думая о завтрашнем дне, и пели «Sweet Home Alabama» все лето!» (англ.)

Мозг Яниса лихорадочно заработал. Где совсем недавно ему встречалось это имя? И в связи с чем? Некоторое время он сидел, размышляя и пристально всматриваясь в лицо на фотографии, пока его не осенило. Ну конечно! Он выдвинул самый нижний ящик стола и вынул из него драгоценные документы, которые собирал в течение последних нескольких месяцев. Они были призваны произвести завтра утром настоящую сенсацию. Янис в нетерпении перебирал листы в толстых папках, пока не нашел то, что искал. Одна из экспертиз, давших положительные результаты, на основании которых фирма «ВиндПро» получила разрешение на строительные работы по созданию парка ветрогенераторов, была проведена Немецким климатологическим институтом. Это не могло быть совпадением! По всей очевидности, профессор Айзенхут оказал любезность своему другу. И даже не исключено, что за деньги.

Янис злорадно осклабился. Любопытно было бы увидеть лицо Тейссена, когда он завтра узнает, в чьи руки попали эти документы! Явно сфальсифицированные результаты экспертизы станут розочками из взбитых сливок на торте. Неопровержимые доказательства, которые он предаст гласности, будут означать полный крах планов по созданию парка ветрогенераторов в Таунусе. И начало конца «ВиндПро». Ибо выбраться из такой ситуации этому слизняку Тейсену будет очень непросто.

Янис взялся руками за голову, посмотрел в окно и отмахнулся от мухи, намеревавшейся сесть ему на лицо. Внезапно он вздрогнул. В его голове молнией пронеслась мысль. Он вскочил со стула, будто ужаленный тарантулом, бросился вниз по лестнице, выбежал из дома и помчался в сторону мусорного контейнера. Вчерашняя газета лежала поверх горы старой бумаги. Янис закрыл крышку бака, развернул газету и быстро перелистал ее, дойдя до раздела местных новостей. Так и есть.

«Отец климатологии Айзенхут представляет свою новую книгу» – гласил заголовок, под которым располагался портрет профессора Дирка Айзенхута. *«В следующую пятницу директор Немецкого климатологического института представляет свою уже опубликованную книгу «Голубая планета выглядит красной» в Фалькенштайне, в отеле «Кемпински». Экономический клуб Переднего Таунуса приглашает заинтересованную общественность на лекцию и последующую дискуссию с профессором Айзенхутом, советником федерального правительства по вопросам климата и экологии...»*

Янис вырвал из листа заметку, засунул остатки газеты обратно в контейнер и вернулся в свой рабочий кабинет, где набрал в «Гугле» «профессор Дирк Айзенхут», затем знак плюс и имя «Ника». Его отнюдь не удивило количество появившихся сайтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.